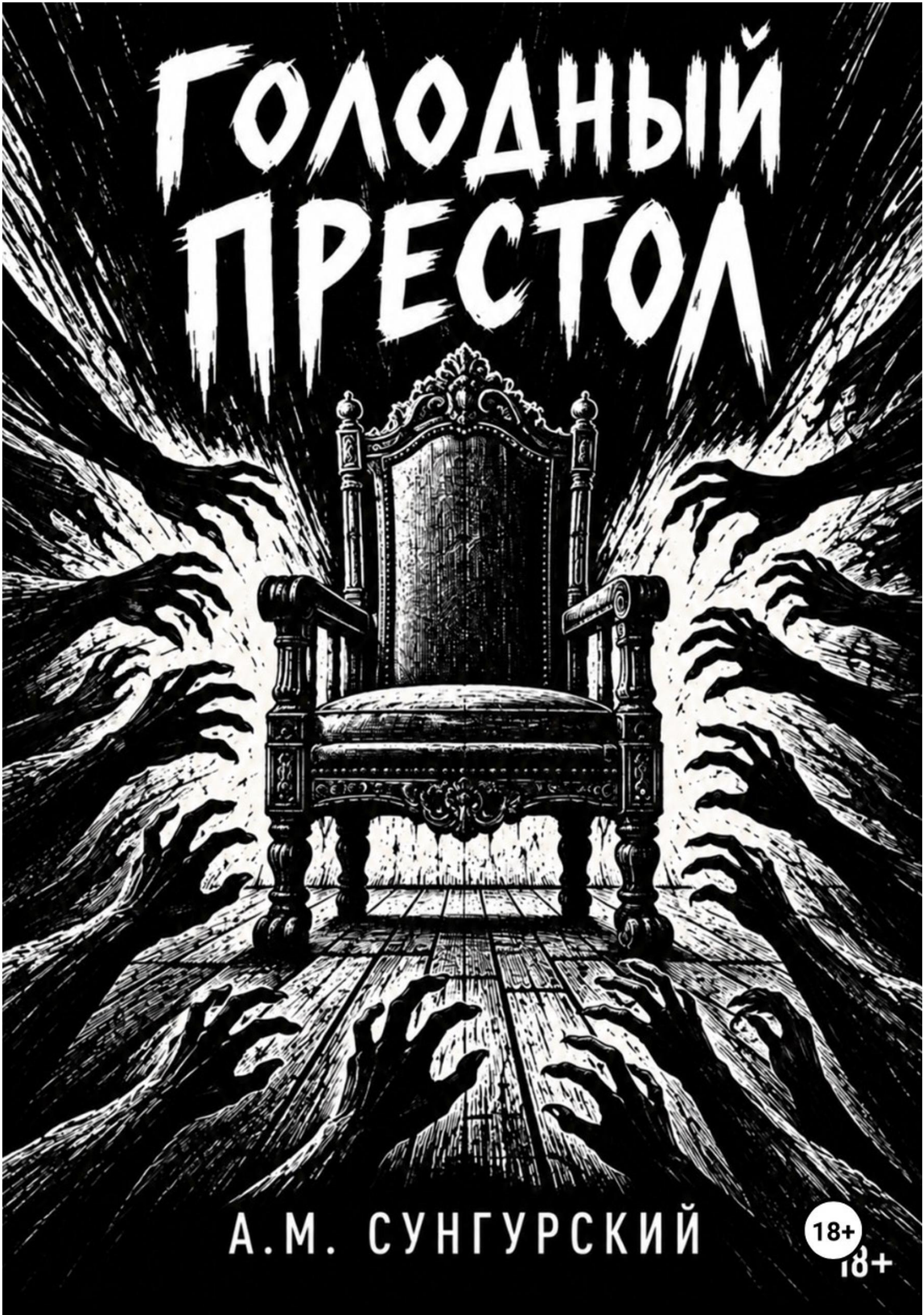
ГОЛОДНЫЙ ПРЕСТОЛ

А.М. СУНГУРСКИЙ

18+

18+

А.М. Сунгурский

Голодный престол

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Голодный престол / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Четыре года Надежда не знала, где её младший брат. Теперь Яков зовёт её в Выборг — на похороны своего хозяина. В чужом доме готовятся к прощанию, переделывают слишком короткий гроб и ждут, кто займёт высокое кресло покойного.Надежда хочет забрать брата. Но у мёртвого остались слуги, которым недостаточно обычной пищи, и люди, надеющиеся получить власть над ними. Чтобы спасти тех, кто ещё жив, Якову придётся разделить со слугой еду и отдать первый приказ. Существо послушается. Слуга получит нового хозяина. Хозяин — голод, которого ещё вчера не мог себе представить.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приглашение 5
Глава 2. Встречающий 11
Глава 3. До пяти 18
Глава 4. Слуги 26
Глава 5. За оградой 31
Глава 6. Место у стены 36
Глава 7. На двоих 42
Глава 8. Клетчатая сумка 47
Глава 9. Первая доля 53
Конец ознакомительного фрагмента. 57

А.М. Сунгурский
Голодный престол

Глава 1. Приглашение

Курьер спросил Карелину, и Надежда не сразу поняла, что это к ней. Она наклонилась над перевёрнутым диваном, уперев колено в деревянную раму, и удерживала плоскогубцами скобу. Скоба была старая, ржавая. Если сейчас отпустить, её пришлось бы искать среди пружин.

— Мне, — сказала она. — Положите на стол.

Курьер оглядел мастерскую. На одном столе лежала снятая обивка; за другим мужчина в синем рабочем фартуке размечал мелом ткань. Свободного места нигде не было.

— В руки надо.

— Что там, документы?

— Конверт.

Надежда выдернула скобу. Та полетела в стену, отскочила и исчезла под шкафом.

— Семён, я её потом найду. Не лезь туда в носках.

Он показал ей ботинок, не отрывая второй руки от линейки.

Надежда выпрямилась, вытерла пальцы о фартук и назвала курьеру код. Конверт оказался плотным, почти квадратным. На белой наклейке были напечатаны её фамилия и название мастерской; имя дописали синей ручкой. Большая буква «Н» получила слишком длинную последнюю ножку, а в конце последней буквы остался острый крючок.

Она посмотрела на курьера.

— Откуда это?

— У меня только доставка.

Курьер посмотрел на её лицо и задержался.

— Открыть надо? Я подожду.

— Нет. Спасибо.

Курьер вышел. Через несколько секунд сквозь витрину было видно, как он переложил телефон в другую руку и побежал к велосипеду. На улице ещё держался дневной свет. После дождя мокрые машины казались вымытыми только с одной стороны.

Надежда разорвала конверт пальцем. Внутри была сложенная карточка и небольшой лист в клетку.

С карточки смотрел незнакомый пожилой человек. Худой, гладко выбритый, в светлом пиджаке. Фотограф выбрал момент, когда мужчина чуть приподнял подбородок; из-за этого тонкая шея над воротником казалась длиннее обычного. Под фотографией стояло имя: «Савелий Павлович Неверов». Дальше — две даты и приглашение на прощание в Выборге. Завтра, двенадцатого октября, в пять часов вечера.

Она раскрыла клетчатый лист.

«Надя, приезжай. Я здесь. Только не пугайся карточки, это не по мне. Яша».

Ниже был номер телефона.

На слове «карточки» он пропустил букву, потом втиснул её сверху. Так Яков исправлял записки ещё в школе: слово становилось хуже, зато переписывать не требовалось.

Надежда села на низкий табурет возле дивана. Она держала лист за верхние углы и не чувствовала, как нижний край упирается в колени.

— Надь? — позвал Семён.

Она подняла руку, чтобы он подождал.

Номер начинался незнакомо. Она набрала его, ошиблась в предпоследней цифре и стёр всё целиком. Второй раз ввела правильно. Пока шли гудки, Надежда рассматривала пятно на ногте большого пальца — старый клей, который не удавалось отмыть. Ей вдруг стало необходимо его снять. Она потёрла ноготь о край фартука.

Ответили на четвёртом гудке.

— Да.

За четыре года голос должен был измениться. Она заранее, много раз, готовилась к тому, что не узнает его сразу, что придётся спрашивать, проверять, мучительно прислушиваться. Но узнавание произошло раньше, чем она успела вдохнуть.

— Яша.

— Получила?

Она зажала рот свободной рукой. Слово «получила» было отвратительно обычным. Так он мог спросить о переведённых деньгах, о фотографии сломанного крана, о коробке с вещами, которую обещал довезти и довёз с опозданием на месяц.

— Надь, ты слышишь?

— Где ты?

— В Выборге.

— Я вижу, что в Выборге. Где именно?

— В приглашении адрес.

Она перевернула карточку, хотя адрес был напечатан прямо под временем прощания.

— Это твой номер?

— Теперь мой.

— С тобой всё в порядке?

— Да.

— Ты один сейчас?

Яков тихо засмеялся.

— Надя, я не из плена звоню.

— Я тебе звоню.

— Ну, ты мне.

Она встала, задела бедром деревянную раму и не почувствовала удара. Семён отложил мел. Надежда отвернулась от него к стене, на которой висели образцы искусственной кожи.

— Включи видео.

— Здесь плохо ловит.

— Яша.

— Подожди, выйду.

Послышалось движение. Он прикрыл микрофон ладонью, сказал что-то кому-то рядом; слова остались неразборчивыми. Затем скрипнула дверь. Надежда стояла неподвижно, прижав телефон к уху. Ей уже казалось, что она поспешила узнать голос. Нужные интонации можно подобрать. Почерк можно скопировать. В этих четырёх годах хватало разговоров, после которых она стыдилась собственной надежды.

Телефон дрогнул. Пришёл запрос видеосвязи.

На экране появилось небо, потом кусок стены, потом Яков. Он держал телефон слишком близко, так что сначала Надежда увидела один глаз и край щеки.

— Дальше от лица отведи, — сказала она.

— Вот так?

— Ещё.

Он послушался.

Волосы были коротко острижены, виски заметно поредели. На подбородке оставалась маленькая ямка, из-за которой в детстве ему казалось, что борода вырастет неправильно. Он

похудел, но выглядел здоровым. На нём был тёмный свитер с высоким воротом; над левым плечом виднелась облупленная белая рама. Ветер двигал голую ветку у стены.

Яков поднял брови.

— Настоящий.

Надежда хотела дотронуться до его лица. Она провела большим пальцем по стеклу, и внизу всплыли кнопки управления вызовом.

— Ты мог позвонить, — сказала она.

— Мог.

— Хоть раз.

— Надя, давай это не здесь.

Она взглянула поверх телефона. Семён тихо собрал свои ножницы и ушёл в заднюю комнату. Когда он закрыл за собой дверь, вытяжка стала слышна громче.

— Кто умер?

— Савелий Павлович. Я у него работал.

— Кем?

— По дому. Много чего делал.

— Все эти годы?

Он отвёл глаза. На секунду в лице снова появился молодой Яша: тот, который сперва искал, где ошибка в вопросе, и только потом решал, отвечать ли.

— Не все. Последние два с небольшим.

— А до этого?

— Расскажу.

Она сжала карточку. Плотная бумага согнулась через фотографию.

— Ты понимаешь, что я тебя искала?

— Я написал, что жив.

— Четыре слова.

— Там было больше.

Она помнила сообщение наизусть. «Я жив. Не ищи меня, пожалуйста. Когда смогу, сам». Девять слов, если считать «я». Несколько месяцев Надежда пробовала по-разному расставлять в нём паузы, словно из одной паузы мог получиться другой человек.

— Ты сейчас со мной считаешь слова?

Яков посмотрел в камеру.

— Нет. Прости.

Из открытой двери позади него донёсся женский голос:

— Яков Андреевич, вы нужны.

Надежда впервые слышала от постороннего человека его имя-отчество. Когда-то мать шутила так, если он долго не вставал к школе. Сейчас женщина говорила совершенно серьёзно.

— Подождите, — ответил он, не оборачиваясь.

— Валерия просит…

— Я сказал, подождите.

Дверь закрылась. Яков посмотрел вслед ей и снова повернулся к Надежде.

— Завтра приедешь?

Она поймала себя на том, что уже ищет глазами большой чёрный пакет, в котором могла бы отвезти его зимние вещи. Пакет стоял не здесь, а дома, на верхней полке шкафа. Когда она летом перебирала одежду, Руслан предложил наконец отдать её кому-нибудь. Она согласилась. Потом постирала всё и убрала обратно.

— Приеду сегодня.

— Сегодня не надо.

— Почему?

— Здесь готовят. Мне будет некогда.

— Я не на похороны собираюсь.

— А я тебя на них позвал.

Он произнёс это без раздражения. От спокойствия Надежде стало хуже, чем стало бы от крика.

— Ты хочешь, чтобы я приехала к тебе или к этому человеку?

— Ко мне. Завтра.

Она молчала. Яков поднёс телефон ближе; на экране снова осталось почти одно лицо.

— Надь, я тебя прошу. Я сам всё устроил. Машина встретит, комнату приготовят. Тебе ничего не надо покупать и никому платить. Просто приезжай. Хоть один раз.

— Что значит — один раз?

— Без того, чтобы сразу меня куда-нибудь забирать.

Ей захотелось оборвать разговор. Оставить ему пустой экран, дать послушать гудки, а потом не ответить на следующий звонок. Желание было таким сильным, что она отвела палец от красной кнопки.

— Хорошо, — сказала Надежда. — Завтра.

Он улыбнулся. Улыбка вышла немного растерянной, и она вдруг увидела, как он боялся её отказа.

— Только не бери мои вещи. Тут всё есть.

— Я не собиралась.

— Собиралась.

Она впервые за разговор выдохнула почти со смехом. Яков дождался этого звука и кивнул.

— Позвони вечером, ладно? — попросила она. — Сам.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Позвони.

Он больше не улыбался.

— Я услышал. До завтра, Надя.

Экран погас.

Она ещё некоторое время держала телефон перед собой. Когда картинка исчезла, стало видно отражение её лица — серое, со складкой между бровями, которой у неё раньше не было. Или она просто не замечала.

Семён появился в дверях задней комнаты.

— Чай поставить?

Надежда кивнула. Он не спросил, кто звонил, хотя наверняка слышал имя. Она когда-то рассказывала ему о брате: один раз, без подробностей, когда пришлось отпрашиваться после звонка из чужого города. Тогда всё оказалось ошибкой.

Он поставил перед ней кружку и подвинул коробку с печеньем. Одно печенье было надкушено. Семён заметил, забрал его и съел, будто именно за этим и заходил.

— Диван я доделаю, — сказал он. — У тебя пружина осталась. Я видел.

— Там ещё снизу ремень.

— Разберусь.

Надежда отпила чай. Он был слишком сладким, но она не стала просить другого.

— Брат нашёлся.

Семён сел на край верстака. Под его весом рулон ткани медленно пополз к ножницам; он удержал его ладонью.

— Живой?

— Да.

— Ну вот.

Он сказал это тихо, с таким облегчением, словно лично отвечал перед ней за исход. Надежда опустила голову. Слёзы попали в кружку, а не на карточку, и она зачем-то обрадовалась, что не испортит бумагу.

***

Руслан приехал после шести. Дверь мастерской уже заперли; Надежда сидела на подоконнике и ждала, не снимая рабочего фартука. Он постучал ключом по стеклу. Увидев её лицо, перестал улыбаться и показал на замок.

Она впустила его. Руслан принёс длинный бумажный пакет; из разорванного угла пахло тёплым хлебом.

— Я купил тот, с семечками. Там очередь, как перед концом света.

Она забрала пакет и положила на стол, прямо на карточку.

— Яша позвонил.

Руслан снял куртку, промахнулся рукавом мимо крючка и оставил её на стуле.

— Сегодня?

— Я ему. Он прислал письмо.

Она объяснила всё по порядку, хотя порядок снова и снова распадался: сначала видеозвонок, потом конверт, потом голос женщины за дверью. Руслан не перебивал. Когда Надежда добралась до похорон, он осторожно достал карточку из-под хлеба.

— Ты этого Неверова знаешь?

— Нет.

Он прочитал приглашение, перевернул его, посмотрел на почерк.

— Номер ты сохранила?

Она кивнула.

— Пришли мне.

— Думаешь, что опять…

— Нет. Я хочу, чтобы у меня был номер человека, к которому ты едешь.

— Я его видела.

— Надя, я тебе верю.

Она взяла у него карточку и расправила большим пальцем сгиб на фотографии. Внизу, под чёрной полосой с датами, был маленький серебристый рисунок: кресло с высокой спинкой. Надежда сначала приняла его за урну с ручками. Теперь рассмотрела ножки.

— Завтра утром поеду.

— На машине?

— На поезде. Он встретит.

— Я могу отвезти.

— У тебя Саша.

Сын Руслана должен был провести с ним воскресенье. Они собирались менять колёса на велосипеде, который две недели стоял в прихожей без седла. Надежда сама предложила мальчику выбрать новые ручки на руль, а теперь не могла вспомнить, какие он выбрал.

— Договорюсь, — сказал Руслан.

— Не надо договариваться. Я сама доеду.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Хорошо.

В этом коротком согласии было усилие. Надежда знала, как он не любит, когда за него решают, чем ему удобно пожертвовать. Она подошла и прижалась лбом к его груди. Руслан обнял её свободной рукой; в другой по-прежнему держал свои ключи.

— Я не понимаю, что мне делать, — сказала она.

— Сейчас — поесть.

— Не сейчас.

— С ним я тоже не понимаю.

Они постояли, пока в кармане его куртки не завибрировал телефон. Руслан не двинулся. Звонок закончился, начался снова.

— Возьми, — сказала Надежда.

Это был Саша. Он нашёл недостающую гайку и хотел знать, можно ли уже прикручивать колесо. Руслан объяснил, что без второго ключа ничего затягивать не надо, потом попросил прислать фотографию. Пока он говорил, Надежда сняла фартук и погасила верхний свет. Под потолком сразу проступили тёмные балки; маленькая настольная лампа оставила освещённым только край дивана и белую карточку.

Дома она достала сумку на колёсиках, постояла над ней и убрала обратно. Яков приготовил комнату, но она не собиралась оставаться надолго. Взяла небольшой рюкзак, смену белья, зубную щётку и таблетки, которые всегда возила от головной боли. Чёрное платье оказалось тесным под руками. Она долго пыталась застегнуть его, потом рассердилась, стянула через голову и выбрала тёмные брюки со свитером.

На верхней полке стоял пакет с братовой одеждой.

Надежда приоткрыла его. Сверху лежал серый шарф, связанный матерью. Яков когда-то называл его удавом: шарф вытягивался после каждой стирки, и зимой приходилось делать лишний оборот вокруг шеи. Мать отвечала, что это потому, что он вертится.

Она достала шарф, сложила вдвое и положила на кровать.

Руслан, проходя мимо комнаты, увидел его. Ничего не сказал. Надежда убрала шарф в наружный карман рюкзака, где он занимал слишком много места.

В десять Яков не позвонил. В половине одиннадцатого она сама написала: «Купила билет. Буду утром. Какой адрес сказать такси?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Не бери такси. Встречу. Пришли поезд».

Она отправила скриншот билета и стала смотреть на строку под именем. Сначала там появилось «печатает», затем исчезло. Надежда подождала, набрала «Ты обещал позвонить», стёрла.

Новое сообщение от него пришло, когда она уже выключала лампу.

«Надя, я рад, что ты едешь. Правда».

Она села на край кровати и перечитала его несколько раз. Потом написала: «Я тоже».

Следом пришло ещё одно.

«И не говори здесь, что приехала меня забирать. Хорошо?»

Надежда коснулась поля ответа, но ничего не набрала. В комнате было слышно, как Руслан на кухне закрывает ящик с приборами. Она смотрела на экран, пока свет не погас сам.

Глава 2. Встречающий

В поезде Надежда три раза доставала приглашение. На третий раз соседка напротив перестала смотреть в окно и спросила, не потеряла ли она что-нибудь.

— Нет. Всё здесь.

Женщина кивнула и снова отвернулась. Рядом с ней ехал мальчик лет десяти. Он уснул, сползая с подушки под шеей, и теперь мать осторожно приподнимала его за плечо, чтобы не упал на чужое место. На коленях у него лежала открытая коробка с бутербродами.

Надежда убрала карточку. В кармане рюкзака она лежала вместе с паспортом, билетом и запиской Якова. Вчерашний листок в клетку уже казался вещью, которую нельзя оставлять без присмотра.

Руслан проводил её до Финляндского вокзала. Перед турникетами они оба немного растерялись: поездка была короткая, вещей почти не было, а прощаться хотелось так, будто она уезжает надолго. Он проверил, есть ли у неё зарядка. Она показала провод, торчавший из рюкзака, и рассердилась на себя за то, что всё утро делала то же самое — спрашивала его, взял ли он ключи, не забыл ли про Сашу, купил ли вторую гайку.

Теперь телефон лежал на откидном столике экраном вверх. Яков написал: «Стою у выхода к площади. Тёмная куртка». Надежда ответила: «Я тебя узнаю».

За окном промелькнули мокрые доски забора, потом лес. Стволы сливались от скорости, а ближние листья ещё можно было различить по одному. Надежда старалась смотреть на дальние деревья. Она почти не спала, и от мелькания перед глазами начинало подташнивать.

Мальчик напротив проснулся, сел и первым делом проверил коробку на коленях.

— Мы скоро?

— Скоро, — сказала мать.

— Ты уже говорила.

— Теперь ещё скорее.

Он подумал, согласился и начал есть. Надежда вспомнила, как Яков в детстве спрашивал о расстоянии: сколько осталось, если идти пешком, а если бежать, а если бежать ему и автобусу одновременно. Мать не выдерживала после третьего вопроса. Надежда придумывала ответы, каждый раз другие, и брат замечал несходство с такой радостью, будто поймал её на полезной ошибке.

Она открыла переписку. Последняя короткая фраза, присланная ночью, по-прежнему стояла без ответа.

«Не говори здесь, что приехала меня забирать».

Можно было написать: «Я ничего не обещала». Или: «Сначала увидимся». Надежда закрыла переписку и сделала фотографию приглашения для Руслана. Отправила адрес крупно, отдельным кадром, затем номер Якова. Он ответил поднятым большим пальцем и почти сразу — снимком разобранного велосипеда. Саша сидел на полу и держал гайку на кончике отвёртки, как пойманную рыбу.

Когда поезд замедлился, Надежда встала раньше других. Рюкзак зацепился лямкой за откидной столик. Она дёрнула, поняла, что сейчас сломает крепление, и заставила себя остановиться. Соседка отстегнула защёлку, освободила лямку.

— Не потеряете, — сказала она.

— Что?

— Кто встречает. Никуда не денется.

Надежда поблагодарила её и вышла в проход.

Яков стоял там, где обещал. Не у самой двери, а чуть дальше, чтобы видеть выходящих. В руках он ничего не держал. Надежда вдруг поняла, что представляла его с цветами, и усты-

дилась этой нелепости: цветы полагались бы ей, если бы она действительно ехала проститься с умершим.

Она остановилась перед ним. Вчера на экране он казался ближе к прежнему; сейчас плечи под курткой были шире, шея тоньше, а на лбу появилась глубокая складка. Он тоже смотрел на неё внимательно и не знал, что сказать.

— Ну привет, — произнёс наконец.

Надежда обняла его. Сначала он держал руки чуть в стороне, потом прижал её к себе так крепко, что пряжка рюкзака вдавилась ей в грудь. Она чувствовала через куртку его рёбра, тепло под воротом, короткие волосы у затылка. От него пахло табаком и чужим стиральным порошком.

— Ты куришь, — сказала она ему в плечо.

Яков засмеялся.

— Четыре года готовился к этому разговору. Не думал, что начнём с курения.

Она отпустила его, но не убрала ладони с рукавов.

— Не смешно.

— Знаю.

Люди обходили их с обеих сторон. Надежда заметила, что мешает проходу, отступила и потянулась снять рюкзак. Яков подхватил его за ручку.

— Давай понесу.

— Он лёгкий.

— Я чувствую.

Он перекинул его через плечо. Из наружного кармана выглядывал серый шарф. Яков посмотрел на него, потом на Надежду.

— Всё-таки.

— Забыла выложить.

— Ага.

Он не стал спорить и заправил свободный конец шарфа внутрь.

Машина стояла неподалёку. Старый тёмный универсал, чистый снаружи и почти пустой внутри. На заднем сиденье лежали два свёрнутых пледа. Яков открыл пассажирскую дверь, стряхнул с сиденья маленькую сухую веточку и положил рюкзак назад.

— Твоя?

— Домовая.

Надежда посмотрела на него.

— Чья?

— У нас несколько машин. Эта для хозяйства.

Он сказал «у нас» легко. Она села, пристегнулась и стала ждать, когда он обойдёт машину.

Внутри пахло кожей и слабым сладковатым дымом. В подстаканнике лежала пачка жевательной резинки, на панели — тёмные очки. Яков запустил двигатель, поднял руку к регулятору отопления, потом остановился.

— Ты ела?

— Дома.

— Когда это было? В семь?

— Яша, нормально всё.

— Можно кофе выпить. У нас до пяти время есть.

Она согласилась слишком быстро. Ей хотелось задержать его здесь, среди машин, туристов и мальчика, который только что прошёл мимо окна, размахивая пустой коробкой от бутербродов. Здесь брат был просто человеком, встретившим сестру. Надежда ещё не знала, что увидит в доме по адресу с траурной карточки.

***

В маленьком кафе Яков долго выбирал пирог. Спрашивал, есть ли рыба, потом передумал и взял картофельный. Надежда стояла рядом и ждала. В прежней жизни он схватил бы первое, что осталось на витрине, а потом полдороги ворчал, что ему опять достался не тот кусок.

Она потянулась за кошельком, но он уже приложил карту.

— Здесь я, — сказал Яков.

— Я себе кофе хотела.

— Я тебе и взял кофе.

— Без сахара?

Он повернул к ней стаканчик.

— Помню.

Они сели у окна. Надежда сняла куртку и положила на соседний стул; Яков остался в своей. Снаружи шли люди, кто-то остановился у стекла, прикрывая зажигалку ладонью. Она следила за ним, пока брат разламывал пирог пластиковой вилкой.

— Ты здесь давно живёшь?

— В доме два года и три месяца.

— Ты вчера сказал — работал.

— И работал. Там живут, если работают.

— Все?

— Не все. Я живу.

Надежда взяла стаканчик. Крышка держалась плохо, и кофе просочился у края. Она поставила его обратно, вытерла пальцы салфеткой.

— А раньше?

Яков доел кусок и тщательно вытер вилку о бумажную тарелку.

— Сначала в Пскове был. С ребятами на монтаже. Потом в Петербурге.

— В Петербурге?

— Почти год.

Она посмотрела в окно. Мужчина с зажигалкой наконец прикурил и ушёл. На его месте никого не оказалось; стекло сделалось пустым и отражало их стол.

— Ты был рядом.

— Надь…

— Ты мог прийти.

— Мог.

Она узнала вчерашнюю интонацию и положила салфетку под мокрый стакан.

— Если ты опять будешь отвечать одним словом, мы до вечера просидим.

Яков отодвинул тарелку.

— Я не хотел приходить. Такой ответ годится?

За стойкой звякнула ложка. Надежда услышала этот звук слишком отчётливо.

— Годится.

— Я не потому, что ты плохая. Не надо сейчас так сидеть.

— Как?

— Как будто тебе дали моё заявление и надо найти, где ошибка.

Она убрала руки со стола.

Яков заметил движение, нахмурился и наклонился ближе.

— Я знал, что будет. Ты бы сказала: поживи у меня, приведи себя в порядок, я нашла тебе работу. Я бы пожил. Потом мы бы поругались. Потом ты бы снова нашла мне работу, потому что первая мне, конечно, не подошла. И опять пришлось бы говорить спасибо.

— Ты четыре года молчал, чтобы не говорить спасибо?

— Я молчал, потому что не мог объяснить нормально. Сейчас тоже не могу.

— Ты мог написать, что здоров. Даже это мог.

Он потёр пальцем шрам возле ногтя. Надежда помнила, откуда шрам: в шестнадцать лет Яков пытался открыть консервную банку чужим ножом, не дождался открывалки. Она тогда ругалась, пока он держал руку под краном, а потом ночью всё равно вставала проверить повязку.

— Вот это мог, — сказал он. — Тут ты права.

Надежда ждала продолжения. Извинения или хотя бы попытки назвать то, что он сделал. Яков снова взял вилку.

— Воды принести?

— Не надо.

Он опустил её на тарелку.

Несколько минут они сидели, глядя каждый в свою сторону. Надежда понимала, что нельзя получить четыре года за один разговор, но её злило, что право не отвечать всё ещё остаётся у него. Она ведь приехала. Купила билет, оставила работу, объяснила Руслану, надела одежду для чужих похорон. Он уже получил то, чего хотел; она пока получила живое лицо напротив и знание, что почти год могла встретить его в соседнем вагоне метро.

— Этот человек хорошо к тебе относился? — спросила она.

Яков поднял глаза.

— Савелий Павлович?

— Да.

— По-разному.

— Платил?

— Платил. И оставил кое-что.

Надежда посмотрела на его куртку, на карту, которую он не убрал, на машину за окном. Она не хотела думать о деньгах в первую очередь, но они сами выстроились в понятное объяснение: пожилой одинокий человек, молодой помощник, наследство, возможные родственники, с которыми теперь предстояло спорить.

— У него семья есть?

— Есть люди.

— Яша.

— Надя, я не знаю, кого он считал семьёй. Никого из них он тебе не представит. Можно сегодня без описи родственников?

Она откинулась на спинку стула.

— Можно.

Яков выдохнул, словно только что успел удержать что-то тяжёлое. Затем посмотрел на её свитер.

— Тебе идёт.

— Что?

— Цвет. Раньше ты всё серое носила.

— Он и есть серый.

— Не такой.

Надежда рассмеялась. От неожиданности смех вышел слишком громким. Яков тоже улыбнулся, и на несколько секунд они оба получили передышку.

— Ты с кем-нибудь живёшь? — спросил он.

— Пока одна. Есть Руслан.

— Хороший?

— Очень неудобный.

— Значит, хороший.

Она удивилась, что он понял.

— У него сын. Они сегодня велосипед собирают.

— Ты ему про меня сказала?

— Конечно.

Яков кивнул. Улыбка исчезла, но он больше не отвёл глаза.

— Он знает, куда ты приехала?

— Я отправила приглашение. Адрес и твой номер.

— Правильно.

Она ждала, что он станет возражать. Его согласие успокоило сильнее, чем слова о том, что всё хорошо.

Яков доел остывший пирог. На выходе он остановился у стойки, купил ещё два куска и попросил завернуть отдельно. Надежда спросила, кому.

— Лёве. Он с утра там один на кухне.

Брат взял оба пакета в одну руку, другой придержал ей дверь. Она вышла на улицу, и холодный воздух после кафе показался чистым и новым.

***

Дом стоял за каменной оградой. Дорога перед воротами пошла вниз, и Надежда увидела между деревьями воду — серую, в узких полосах ряби. До этого она представляла усадьбу глубоко в лесу, куда надо долго сворачивать с большой трассы. Но здесь ещё совсем недавно были обычные жилые дома, магазин, человек с собакой. Из-за ограды по-прежнему доносился шум далёкой машины.

Яков нажал кнопку на маленьком брелоке. Створки ворот начали расходиться. Одна шла плавно, другая подрагивала и в конце скрипнула.

— Смазать надо, — сказала Надежда.

— Там петля просела. Смазка уже не поможет.

Он въехал и остановился у боковой стены дома. Ворота закрылись за ними, но запора Надежда не услышала — только щёлкнул привод.

Дом оказался меньше, чем она ожидала. Два этажа, высокая крыша, пристройка с отдельным входом; в серой штукатурке местами проступал более тёмный камень. У крыльца стояли три пустых вазона. Один треснул, и его стянули металлическим обручем. Дальше, за углом, кто-то работал молотком: два быстрых удара, пауза, ещё два.

Яков заглушил двигатель.

— Приехали.

Он сказал это с такой осторожной гордостью, что Надежда постаралась улыбнуться.

— Красиво здесь.

— Летом лучше.

На крыльцо вышла женщина в тёмном платье и коротком вязаном жакете. Надежда сначала решила, что это вдова. Женщина спустилась на одну ступень и остановилась, пока они выбирались из машины.

Яков достал рюкзак и пакеты с пирогом. Надежда взяла у него рюкзак, оставив еду.

— Валерия Михайловна, это моя сестра.

— Надежда Андреевна, — сказала женщина. — Очень рада, что вы смогли приехать.

Она не протянула руку. На пальцах у неё было несколько тонких колец, а на запястье — крупные часы на потёртом ремешке. Надежда заметила, что ремешок охватывает рукав жакета.

— Спасибо. Примите соболезнования.

Валерия наклонила голову.

— Благодарю. День непростой. Но мы вам всё приготовили, отдыхайте, сколько нужно.

— Я ненадолго.

— Конечно. Яков Андреевич, Лев вас искал.

— Я сейчас Надю устрою.

— Комната готова.

— Я знаю.

Между ними прошла маленькая пауза, которую Надежда почувствовала, хотя не могла бы сказать, кто её устроил. Валерия отступила, пропуская их к двери.

В прихожей было тепло. Надежда сняла куртку, повесила её на свободный крючок. Яков показал на полку для обуви, но тут же сказал, что можно остаться в ботинках. Она всё равно разулась: подошвы были мокрые, а на полу лежал старый ковёр, протёртый до основы ровно посередине.

— Тапочки справа, — сказала Валерия. — Чистые, берите любую пару.

Пары стояли в два ряда. Обычные гостевые тапочки в клетку, несколько шерстяных, одни кожаные, сильно разношенные. У стены, отдельно от остальных, лежали два длинных чёрных предмета, похожих на чехлы. Надежда посмотрела внимательнее и поняла, что это тоже обувь. Их подошвы были длиннее её предплечья.

Яков положил пакеты с пирогом на тумбу.

— Надь, пойдём наверх.

Она выбрала клетчатые тапочки. Один оказался великоват, но искать другую пару не стала.

Слева от прихожей открывалась широкая двустворчатая дверь. В глубине комнаты стоял гроб. Надежда успела увидеть только боковую стенку под чёрной тканью и две деревянные подставки. Над гробом работали двое мужчин. Один держал край ткани, второй, стоя на коленях, прикручивал что-то снизу. У его ноги лежала длинная свежая доска.

Удары, которые Надежда слышала снаружи, прекратились.

— Вы ещё не закончили? — спросил Яков.

Мужчина на коленях повернул голову.

— К пяти успеем.

— Я спросил не когда.

Надежда посмотрела на брата. Он как будто сам удивился своему голосу. Мужчина снова взял шуруповёрт.

— Остался низ, — сказал он. — Ногам тесно.

Валерия шагнула мимо Надежды и закрыла одну створку двери. Вторую оставила открытой, чтобы люди могли выходить.

— Давайте им не мешать. Савелий Павлович был очень высокий. Мастерская ошиблась с размером.

Надежда вспомнила фотографию на приглашении — худой старик, узкие плечи. О росте по ней судить было нельзя. Она кивнула, и Яков наконец повёл её к лестнице.

Наверху пахло полиролью и бельём. В комнате, которую для неё приготовили, стояли односпальная кровать, шкаф и маленький стол у окна. На столе лежали полотенце, новая зубная щётка в упаковке и бутылка воды. Надежда поставила рюкзак на стул.

Яков остался у двери.

— Ну как?

— Хорошо. Спасибо.

Он обвёл комнату взглядом, проверяя, всё ли на месте.

— Розетка за столом. Если холодно, поверни ручку на батарее. Только не до конца, потом жарко будет.

— Где твоя комната?

— В другом конце. Покажу.

Она подошла и поправила ворот его куртки. Он терпел, пока она расправляла загнувшийся край, потом поймал её руку и на секунду сжал.

— Я рад, что ты здесь.

— Я тоже.

Он отпустил её.

— Мне вниз надо. Пироги отнесу.

— Ты их там оставил.

— Помню.

Яков вышел. Надежда услышала, как он спускается, затем внизу снова заговорили мужчины. Она подошла к окну. За стеклом были голые ветви, полоска воды и край хозяйственной пристройки. Во дворе стояла белая машина с распахнутыми задними дверями. На её полу лежали ремни и ещё одна крышка гроба — короткая, обычной длины.

Надежда отвернулась от окна, достала телефон и написала Руслану: «Доехала. Он сам встретил. Всё нормально».

Последние два слова она стёрла.

Потом дописала: «Позвоню после» — и отправила.

Глава 3. До пяти

Через полчаса Надежда поняла, что лежать больше не сможет. Она успела снять тапочки, вытянуть ноги поверх покрывала и закрыть глаза. Внизу переставляли мебель. Кто-то несколько раз прошёл по коридору мимо её двери; шаги были обычные, быстрые, и каждый раз она ждала, что человек остановится и постучит.

Телефон показал без четверти час. До прощания оставалось больше четырёх часов. Надежда написала Якову, что спускается, оставила телефон на столе, выпила воды из бутылки и вышла.

На верхней площадке стояла женщина с белой наволочкой в руках. Она рассматривала пятно, поднося ткань к окну. Услышав дверь, быстро сложила наволочку вчетверо.

— Я вам не помешала?

— Нет. Я брата ищу.

— Якова Андреевича? Внизу. Через столовую пройдите, там на кухню дверь.

Надежда узнала голос из вчерашнего звонка. Невысокая женщина в старой кофте с короткими рукавами могла быть её ровесницей, но седина у висков и очень усталые веки делали её старше. На шее висела цепочка с очками.

— Это вы вчера его звали?

Женщина помолчала.

— Наверное, я. Меня Зоя зовут. Если что понадобится, говорите.

Она прижала наволочку к груди и ушла к лестнице в другом конце коридора.

Надежда спустилась по той, по которой поднялась с братом. Дверь в комнату с гробом была теперь закрыта целиком. Пакеты с пирогом исчезли с тумбы, длинная обувь осталась на месте. Вторая дверь из прихожей вела в столовую. На столе уже стояли стаканы; между ними лежали перевёрнутые тарелки, а стулья отодвинули к стене, чтобы не мешали проходу.

На кухне пахло варёным луком. Молодой человек в серой футболке резал хлеб. Увидев Надежду, он отложил нож остриём от себя и вытер ладони о полотенце на поясе.

— Яков где?

— В сарае. Подставки относит.

— Вы Лев?

— Да.

— Он вам пироги привёз.

Лев кивнул на подоконник. Один пакет был раскрыт, второй ещё лежал нетронутым.

— Спасибо. Вы есть будете?

— Я недавно ела.

Она огляделась. Кухня была большая, с двумя рабочими столами и старой газовой плитой. Под окном стояла морозильная камера, за ней — металлическая дверь с небольшим засовом. На кафеле возле нижней петли виднелись тёмные царапины. Надежда приняла дверь за выход во двор.

— Через эту можно?

Лев быстро повернулся.

— Нет. Там кладовая.

— А во двор?

— Из прихожей. Обогните дом справа.

Он снова взял нож, но хлеб резать не стал. Надежда заметила на его большом пальце свежий пластырь. На кухне такие вещи ничего не значили, и всё же она почему-то посмотрела на нож.

— Много людей ждёте?

— К вечеру соберутся.

— Я понимаю. Я спрашиваю — много ли.

Лев посмотрел в открытую дверь столовой.

— Валерия Михайловна скажет, сколько накрывать.

— Вы здесь давно?

— Девятый месяц.

Надежда подумала, что в этом доме все знают свой срок с точностью до месяца. Наверное, так и бывает, когда живёшь на работе.

— Я его сестра, — сказала она. — Надя.

— Я знаю.

Он не добавил, откуда знает, и Надежда перестала спрашивать. Ей стало стыдно за своё желание получить от первого попавшегося человека ответ о брате.

В прихожей она переобулась, накинула куртку и вышла. Справа от дома узкая дорожка шла к хозяйственным постройкам. На мокрых камнях лежали жёлтые листья, и Надежда ступала осторожно. Братовы шаги послышались раньше, чем она его увидела.

Яков нёс две деревянные подставки, сложив их друг в друга. Надежда потянулась помочь, но он покачал головой.

— Тут близко.

Она проводила его до сарая. Он поставил подставки у стены, отряхнул руки и запер дверь. На большом кольце у него было много ключей; он не перебирал их, сразу выбрал нужный.

— Ты же отдыхать собиралась.

— Не получается. Давай пройдёмся.

Яков посмотрел на дом.

— До воды можно. Только недолго.

За сараем начиналась старая лестница, выложенная из плоских камней. Между ступенями росла жёсткая трава. Брат пошёл первым, предупредил о качающемся камне, подал ей руку. Ниже стояла скамейка без спинки. Отсюда было видно узкую бухту и противоположный берег, заросший соснами. Ветер нёс запах водорослей; у самой кромки мелкие волны перебирали мокрые палки.

Надежда остановилась у скамейки. Садиться на сырые доски не хотелось.

— Ты часто сюда ходишь?

— Курить.

— Не мог другого места найти?

Он посмотрел на неё и рассмеялся.

— Красоту жалко?

— Жалко, что тебе для неё сигарета нужна.

— Мне и без неё красиво.

Яков достал пачку, повертел в пальцах и убрал. Надежда оценила это маленькое усилие, но поблагодарить значило бы испортить его.

Он показал на деревянный настил чуть дальше по берегу.

— Летом там лодку держали. Я сам доски менял. Старые насквозь прогнили. Он всё говорил: ещё крепкие, не трогай. Пока палка не провалилась, не поверил.

— Неверов?

— Да.

— Он сюда спускался?

— Раньше. В последнее время с трудом.

Надежда посмотрела на ступени. Если старик действительно был таким большим, узкая лестница должна была причинять ему много неудобств.

— От чего он умер?

Яков засунул руки в карманы.

— Он давно болел.

— Я не спрашиваю тебя о справке. Просто… Ты же с ним жил.

— Я был рядом, когда всё случилось.

Она повернулась к брату.

— Один?

— С Валерией. Потом Зоя пришла.

— Тяжело было?

Он кивнул не сразу. Она ждала, и Яков наконец вытащил из кармана одну руку, провёл по лицу.

— Очень долго. Уже казалось — всё, а потом снова. Я не знал, что человек может так…

Он замолчал.

Надежда подошла ближе. На этот раз не стала обнимать, просто встала рядом, плечом к плечу. Вода перед ними была тёмная; ветер разворачивал рябь, и по поверхности пробегали более светлые полосы.

— С мамой было быстро в конце, — сказал Яков. — Помнишь, ты всё пыталась ей подушку поправить?

Надежда помнила иначе: брат не мог найти чистую наволочку, а она сердилась, зачем он ищет её сейчас, когда мать просит пить. Потом несколько месяцев ей снился шкаф, где всё бельё было сложено слишком плотно и нельзя было вытащить одну вещь, не уронив остальные.

— Помню.

— Она ведь уже не подушку просила.

— Яша.

— Я не упрекаю. Просто вспомнил.

Он сказал это так осторожно, что Надежда поверила. Они стояли молча. В мастерской ей удавалось часами говорить с людьми, которым она не собиралась открывать ничего важного; теперь рядом с братом не находилось даже самого простого вопроса.

Сверху донёсся звук мотора. Машина замедлилась, кто-то дважды коротко посигналил.

Яков поднял голову.

— Пойдём. Гости.

— Я им не нужна.

— А я нужен.

Он уже начал подниматься и только после нескольких ступеней вспомнил, что она идёт сзади. Остановился, подождал. Надежда взяла предложенную руку.

***

На площадке перед домом стоял белый кроссовер. Женщина у пассажирской двери держала развёрнутую куртку, а мужчина медленно выбирался из салона. Левую ногу он сначала выдвинул целиком, помогая ей руками, потом поставил на землю костыль. Женщина отступила, пропуская его, и едва не уронила куртку.

Надежда подошла и подхватила ткань за рукав.

— Давайте подержу.

— Спасибо. Давид, не торопись.

Мужчина выпрямился и опёрся на костыль. Ему было около сорока, но лицо казалось старше: исхудавшее, с влажными прядями на лбу. На левой руке не хватало мизинца. Безымянный он держал согнутым, будто всё ещё боялся им за что-нибудь зацепиться.

— Я и так не тороплюсь, — ответил он.

Женщина забрала у Надежды куртку, помогла мужу попасть в рукав. Потом повернулась к Якову, стоявшему у капота.

— Валерия дома?

— Да. Проходите. Лев сейчас поможет с сумками.

— Мы без вещей.

Яков посмотрел на багажник. Женщина перехватила его взгляд.

— Это не для ночёвки.

Он кивнул и пошёл к крыльцу. Надежда осталась рядом с машиной, потому что мужчина ещё не двинулся.

— Далеко ехали?

— Из города, — сказала женщина. — Я Таисия.

— Надежда. Сестра Якова.

Таисия взглянула на неё быстро, затем снова на крыльцо, где Яков придерживал дверь.

— Он говорил, что вы приедете.

— А я о вас ничего не знаю.

— Тая, — вмешался мужчина, — давай сначала сядем где-нибудь.

— Конечно. Сейчас.

Надежда отошла, освобождая дорожку. Давид пошёл медленно, ставя костыль чуть впереди здоровой ноги. У нижней ступени он остановился. Таисия подставила руку; Яков спустился с крыльца и поддержал его с другой стороны. Все трое на мгновение сбились, потому что каждый выбрал свой шаг.

— Я сам скажу, — произнёс Давид, закрывая глаза. — Подождите. Вот теперь.

Они поднялись.

Надежда вошла следом и сняла куртку. Таисия устроила мужа на стуле возле лестницы; он не стал разуваться. Яков позвал Льва и попросил воды.

— Вам врача не нужно? — тихо спросила Надежда.

Давид поднял голову.

— Я от них неделю как вышел.

— Простите.

— Ничего. Вы откуда приехали?

— Из Петербурга.

— Повезло с погодой.

Он сказал это с такой усталой вежливостью, что Надежда не сразу поняла, о какой погоде речь. Во дворе было сыро, сверху тянуло холодом.

— Дождя нет, — пояснил Давид. — Я теперь всё по дождю считаю. С ним хуже ходить.

Надежда кивнула. Лев принёс стакан. Давид взял его правой рукой; левая осталась на колене. Таисия смотрела, как он пьёт, и губы у неё двигались — она будто беззвучно отсчитывала глотки.

Из столовой вышла Валерия. На ней был другой жакет, более строгий, с застёжкой у самого горла. Она остановилась перед Давидом, не наклоняясь.

— Как вы себя чувствуете?

— Сидя — хорошо.

— Мы приготовили вам место. С опорой для ноги.

— Спасибо.

Валерия повернулась к Таисии.

— Всё привезли?

— Да.

— Тогда пройдёмте.

— Лев, в багажнике сумка. Принесите, пожалуйста, — сказала Таисия. Она достала из кармана ключи и нажала кнопку на брелоке.

Пока Лев ходил к машине, Валерия терпеливо ждала у двери. Давид поставил стакан на тумбу и попросил жену поправить куртку, которую подложили ему под спину. Таисия нагнулась, расправила сбившийся рукав; когда она выпрямилась, Лев уже вернулся с плоской дорожной сумкой. Таисия взяла её за короткие ручки и посмотрела на мужа.

— Я скоро.

Он не ответил. Таисия пошла за Валерией в столовую и закрыла за собой дверь.

Яков остался возле Давида. Некоторое время оба молчали; потом брат Надежды спросил, достали ли ему нужную обувь. Давид сказал, что привезут через неделю. Они стали обсуждать ремешок, который не должен давить на подъём, и Надежда услышала в голосе Якова обычное участие. Он знал о чужой боли, помнил, что обещали, не смотрел при этом на сестру, проверяя, заметила ли она его доброту.

Надежда оставила их и поднялась за телефоном.

Руслан прислал короткое: «После чего? Напиши, когда освободишься». Она набрала его сама. На этот раз не рассказала о гробе и огромной обуви — ещё не знала, что рассказывать. Сказала, что брат выглядит хорошо, что они успели поговорить и что вечером, возможно, она останется.

— Ты же рюкзак брала с расчётом на ночь, — напомнил Руслан.

— На всякий случай.

— Ну вот случай.

Из телефона донёсся голос Саши: мальчик требовал показать, где лежат маленькие ключи. Руслан ответил ему, прикрыв микрофон, и вернулся к разговору.

— Ты сама как?

Надежда села на край кровати.

— Не знаю. Всё время хочу спросить сразу обо всём. А потом молчу.

— Может, пока и помолчите.

— Мы и так четыре года молчали.

Руслан ничего не ответил. Она слышала, как он дышит, и поняла, что ждёт от него невозможного — правильной фразы, после которой станет понятно, как прожить этот день.

— Я вечером позвоню, — сказала она.

— Хорошо. Я на связи.

Она положила телефон в карман брюк, чтобы не оставлять в комнате. Из рюкзака снова торчал конец серого шарфа. Надежда заправила его глубже, застегнула молнию и спустилась.

***

К четырём дом стал тише. Рабочие уехали; белая машина с короткой крышкой гроба исчезла со двора. Лев убирал со столов лишние предметы и накрывал хлеб салфеткой. Зоя прошла мимо Надежды с большим подносом пустых стаканов. На вопросы она отвечала улыбкой и не останавливалась.

Яков показал сестре свою комнату. Она была в дальнем конце верхнего коридора, возле лестницы, по которой днём ушла Зоя. Здесь стояла широкая кровать, тумба, платяной шкаф и старый телевизор на комоде. Под окном сохли рабочие перчатки. Надежда задержалась возле них: на указательном пальце правой перчатки была та же привычная прореха, что на перчатках брата много лет назад.

— Ты себе новые купить не можешь?

— Могу. Эти удобные.

Он открыл шкаф. Внутри висели рубашки на одинаковых плечиках и тёмный костюм. Надежда не удержалась, потрогала ткань пиджака.

— Ты в нём пойдёшь?

— Да.

— Хороший.

Яков снял пиджак, повесил на спинку стула.

— Рукава только длинные. Надо было укоротить, всё не собрался.

— Надень.

Он посмотрел на часы.

— Надя, сейчас…

— Я не собираюсь его распарывать. Посмотрю.

Яков надел пиджак поверх свитера. Надежда попросила опустить руки, подвернула край одного рукава и придержала пальцами.

— Вот столько. Даже меньше. Потом сделаем.

Он смотрел на её руки. Она заметила это и отпустила ткань.

— Снимай. Мешаю тебе.

— Не мешаешь.

Они оба замолчали. В открытом шкафу, за рубашками, Надежда увидела знакомую клетчатую сумку. В таких раньше носили вещи из общежития в общежитие; эту мать купила брату, когда он впервые уехал на заработки. Надежда думала, что сумка давно потеряна.

— Ты её сохранил.

Яков проследил за её взглядом.

— Она целая.

— Я не про это.

Он застегнул пиджак, понял, что поверх свитера тесно, и снова расстегнул.

— Надь, мне переодеться надо.

Она вышла. На площадке лестницы стояла Таисия. Рядом с ней был незнакомый мужчина в светлой рубашке без галстука. Он держал сложенное пальто и что-то настойчиво объяснял ей вполголоса. Когда появилась Надежда, оба замолчали.

— Сестра, — сказала Таисия.

Мужчина обернулся.

— Чья?

— Якова.

Он посмотрел на закрытую дверь, потом протянул Надежде руку.

— Илья Ратманов.

Она назвала себя. Его ладонь оказалась сухой и очень горячей. На безымянном пальце было широкое серебряное кольцо, исцарапанное по ободку.

— Наконец познакомимся, — сказал он.

— Яков обо мне говорил?

— Тут о вас сегодня все говорят.

Надежде не понравилось, как это прозвучало. Она убрала руку.

— Надеюсь, ничего плохого.

— Он переживал, что вы не приедете.

Илья произнёс это уже без улыбки. Надежда снова посмотрела на дверь братовой комнаты. Ей хотелось вернуться и сказать ему что-нибудь простое, чтобы он больше не переживал. Но человек перед ней, очевидно, рассчитывал именно на это желание.

— Давид где? — спросила она Таисию.

— Внизу. Мы сейчас к нему.

Таисия двинулась первой. Илья пропустил обеих женщин на лестницу, а сам задержался у двери Якова.

У подножия лестницы Таисия остановилась и коснулась рукава Надежды.

— Если вам станет тяжело, можно выйти. Никто не обидится.

— Я уже была на похоронах.

— Я не сомневаюсь.

Она отпустила рукав и пошла в зал.

Надежда осталась в прихожей. В комнате с гробом горел свет. Изнутри донёсся голос Валерии: она просила передвинуть стул для Давида, чтобы ему было удобнее держать ногу. Кто-то попробовал открыть окно, не справился с ручкой. Обычные приготовления мешали понять, отчего ей так не хочется переступить порог.

Яков спустился вместе с Ильёй. Брат был в белой рубашке, пиджак нёс в руке. Надежда заметила, что он подвернул рукава рубашки, хотя собрался надеть костюм. На внутренней стороне правого предплечья у него было длинное белое пятно, похожее на старый ожог.

— Это откуда?

Яков опустил взгляд.

— На работе. Давно.

Он поспешно развернул манжету, надел пиджак. Илья прошёл в зал, оставив их вдвоём.

— Пойдём, — сказал Яков.

Надежда взяла его под руку.

***

Гроб стоял по диагонали комнаты. Только теперь стало понятно почему: иначе он перекрыл бы проход между столом и окном. Кресло с высокой резной спинкой отодвинули к стене, но не убрали, хотя для него явно не осталось места. На сиденье лежала подушка, обтянутая зелёной тканью. Середина подушки глубоко провалилась.

Валерия стояла у изголовья. Лев и Зоя — чуть дальше, у двери в столовую. Давид сидел на стуле с подложенной под ногу табуреткой; Таисия присела возле него, чтобы поправить край брюк. Илья остался у окна.

Надежда узнала лицо с фотографии. Тот же высокий лоб, тонкий нос, глубоко посаженные глаза. Но всё остальное принадлежало как будто человеку другого роста и другого возраста. Подбородок почти касался груди; шея была собрана в тяжёлые поперечные складки, а плечи под тёмным покрывалом расходились так широко, что пришлось отогнуть мягкую обивку гроба наружу.

Она подошла ближе и увидела кисти. Они лежали на животе, одна поверх другой. Пальцы были длинные, с жёлтыми плотными ногтями. Мизинец верхней кисти казался толще большого пальца Надежды. На среднем пальце темнел след снятого кольца. Ничего этого не было на маленьком портрете, который держал Лев: на нём старик сидел в том самом кресле, опираясь на подлокотник обычной человеческой рукой.

— Фотография старая? — спросила Надежда, не понимая, к кому обращается.

Лев посмотрел на Валерию.

— Три года, — ответила она. — Савелий Павлович не любил сниматься.

Яков слегка сжал локоть сестры. Надежда посмотрела вдоль гроба. Чёрное покрывало доходило до колен, дальше были видны брюки, разрезанные с внешней стороны и аккуратно сведённые булавками. Мёртвого одели, насколько смогли, сохранив видимость обычного костюма. Край одной штанины не доставал до щиколотки. Ступни лежали под белой тканью у новой деревянной вставки.

Надежда вдруг поняла, кому предназначалась обувь в прихожей.

Эта мысль не успокоила её.

Валерия предложила всем сесть. Илья остался стоять; Яков сел рядом с Надеждой. Ей достался стул ближе к ногам покойного. Отсюда лицо было почти не видно, только кисти над тёмной тканью.

— Мы собрались проводить человека, которому многим обязаны, — сказала Валерия.

Она сделала паузу. Надежда ждала продолжения обычной речи: трудная жизнь, щедрость, память близких. Но Валерия посмотрела на каждого по очереди и произнесла:

— Я прошу сегодня помнить, что каждый из нас обещал ему сам.

Илья убрал руки из карманов. Таисия выпрямилась рядом с мужем. Яков сидел очень прямо, не откидываясь на спинку стула.

Зоя принесла небольшую миску и поставила на стол возле кресла. Надежда сначала решила, что это кутья. В миске лежало что-то светлое, нарезанное неровными кусками. Слишком гладкое для хлеба, слишком плотное для каши.

Лев подошёл к окну и закрыл шторы. Комната потемнела, хотя верхний свет остался включённым. На ткани штор ещё виднелись бледные прямоугольники стёкол.

— Зачем? — тихо спросила Надежда.

Яков наклонился к ней.

— Так нужно.

— Кому?

Он не ответил. Взял её руку, положил себе на колено и накрыл своей ладонью. Она почувствовала, как сильно он вспотел.

Из столовой донёсся стук. Один раз, потом ещё один — глухо, низко, будто кто-то опирался на пол тяжёлой палкой. Лев отошёл от окна. Зоя подняла миску и прижала к себе.

Валерия повернулась к двери.

— Подождите, — сказала она. — Ещё не все.

За дверью что-то заскребло по дереву. Надежда посмотрела на брата. Он смотрел туда же, но его ладонь уже не удерживала её руку. Теперь она сама сжимала его пальцы.

Глава 4. Слуги

Первым Надежда увидела колено. Оно появилось в проёме почти на высоте дверной ручки, выпирая из-под края серой одежды. Потом на пол опустилась голая ступня — длинная, узкая, с пальцами, которые легли на паркет по отдельности. Человек за дверью нагнулся. Надежда уже приготовилась увидеть его лицо, но над коленом всё ещё поднималось туловище, и лишь затем, возле самой притолоки, возникла маленькая голова.

Он вошёл боком. Одно плечо пришлось опустить, другое повернуть; ткань на спине зацепилась за язычок замка. Лев шагнул было помочь, но Зоя выставила руку, не выпуская миски. Серый край потянулся, порвался, остался висеть на металле. Вошедший не обернулся.

Надежда подумала о болезни. Это было первое, за что удалось ухватиться: очень тяжёлая болезнь, из-за которой человека нельзя разглядывать так откровенно. Она заставила себя посмотреть на его лицо. Над маленьким ртом нависал длинный нос; глаза сидели близко, и белков почти не было видно. Кожа на висках казалась тонкой, как на старом ожоге. Голова наклонилась к гробу, потом к Зое.

Он пошёл за миской.

Надежде стало легче. Человек видел, понимал, хотел есть. Она уже почти объяснила себе его появление, когда он, обходя стул, развернул голень, оставив колено неподвижным. Ступня прошла по полу боком, пяткой вперёд. Штаны не могли скрыть движения: под серой тканью длинная кость повернулась внутри сустава, а тело над ней даже не качнулось.

Надежда встала так резко, что ударилась коленом о край гроба.

— Надь, — сказал Яков.

Она не услышала продолжения. Из столовой вытекло что-то низкое и широкое. Сначала показалось, что по полу волокут тяжёлое одеяло. Затем у одеяла открылись глаза, и Надежда увидела между складками кожи плоское лицо.

Существо передвигалось на четырёх конечностях, но его живот почти касался паркета. Передние лапы — руки, она не могла решить — ставились далеко в стороны; локти поднимались острыми буграми, а голова проходила под грудью, как у человека, протискивающегося через низкий лаз. На спине лежал тёмный кусок ткани. Он сполз, обнажив влажную складку, и Зоя ногой подтолкнула край обратно, не наклоняясь.

Давид издал короткий звук. Не крик, а выдох, из которого будто выбили воздух. Он попытался убрать больную ногу с табуретки. Таисия взяла его за плечи.

— Не вставай. Смотри на меня.

Низкое существо остановилось у табуретки. Его лицо было обращено к голой щиколотке Давида; один плоский палец лёг на ножку стула.

Надежда потянула брата к двери в прихожую.

— Идём.

— Подожди.

— Яша, идём сейчас.

Он поднялся, но не сделал шага. Таисия всё ещё держала мужа. Давид смотрел вниз, на лежавшую возле его ноги голову, и Надежда вдруг поняла, что ему знакомо это лицо.

— Уберите её, — произнёс он.

Валерия вышла из-за гроба. Она взяла табуретку за дальний край и отодвинула вместе с лежавшей на ней ногой. Давид вскрикнул, Таисия сказала что-то злое, слишком тихое, чтобы разобрать. Низкое существо повернуло голову за движением ноги, но не приблизилось.

— Здесь она вас не тронет, — сказала Валерия.

— Вы уже говорили.

— Здесь, Давид. В доме.

Яков наконец пошёл за сестрой. Надежда успела сделать два шага, когда из столовой вышел ещё один человек. Он был ниже её ростом, в коричневом пиджаке, застёгнутом на нижнюю пуговицу. Седые волосы аккуратно зачёсаны, на шее пятнистый шарф. Этот мог оказаться запоздавшим гостем. Надежда почти обрадовалась ему и сразу поняла, насколько глупа её радость: он стоял рядом с высоким существом и ничуть не удивлялся.

— Не загораживай, — сказал он Якову. — Ей нужно выйти.

Голос был негромкий, с неприятным влажным призвуком на согласных. Говоривший взглянул на Надежду. Уши у него прилегали к голове слишком плотно; там, где должны были быть мочки, кожа просто переходила в щёки.

Яков отступил, освобождая сестре проход.

— Я с тобой, — сказал он.

— Можешь не спешить, — ответил невысокий. — Мы подождём.

Надежда не стала узнавать, кто именно будет ждать. Она вышла в прихожую, уронила плечом висевшую на крючке чужую куртку и принялась искать свои ботинки. Тапочки мешали, цеплялись за пятки. Один улетел под тумбу. Яков нагнулся, но она схватила его за рукав.

— Оставь.

— Я дверь открою.

Она отпустила. Брат открыл наружную дверь, в прихожую вошёл холодный воздух. За воротами проехала машина; покрышки шуршали по мокрой дороге. Надежда услышала этот звук так отчётливо, словно до сих пор сидела в запертой комнате без окон.

Она надела ботинки, не затянув шнурков, сорвала с крючка куртку. Яков стоял на крыльце в расстёгнутом пиджаке и ждал. Ей пришлось протиснуться мимо него, чтобы спуститься по ступеням.

Во дворе было светло. По серому небу шла розоватая полоса, в дальнем доме за оградой зажглось окно. Надежда остановилась возле универсала. Руки не попадали в рукава куртки. Брат хотел помочь, но она отстранилась.

— Что это?

Он смотрел на неё, приоткрыв рот.

— Я хотел тебе объяснить.

— Так объясни.

— Они жили с ним. Давно. Я не знаю сколько.

— Кто они?

— Их называют припавшими.

Она дёрнула молнию куртки, защемила край свитера и бросила.

— Не название мне скажи. Это люди?

Яков покачал головой.

Сестра ждала, что он сейчас добавит что-нибудь: шутку, объяснение, уверение, что она не так поняла. Он молчал. На белой рубашке под пиджаком заметно поднималась грудь.

— Ты это знаешь?

— Да.

— Давно?

— Достаточно.

— Сколько, Яша?

— Почти с самого начала.

Она посмотрела на дом. Входная дверь оставалась открытой, но внутри никто не двигался. Из-за дерева у забора донёсся птичий крик; Надежда вздрогнула и тут же разозлилась на собственное тело.

— Поехали.

— Куда?

— Отсюда.

— Надь, я не могу просто…

— Можешь. Ты вот стоишь. Машина здесь. Ключи у тебя.

Он вынул ключи из кармана, словно хотел удостовериться, что они на месте. Большое кольцо звякнуло о брелок.

— Это не моя машина.

Надежда несколько секунд смотрела на ключи. Потом достала телефон.

— Значит, такси.

— Я не сказал, что поеду.

Она подняла на него глаза.

Брат стоял всего в полушаге. Можно было взять его за локоть, развернуть, довести до дороги. Она представляла каждое из этих движений так ясно, что почти начала первое. Яков убрал ключи в карман и сам отступил.

— Ты позвал меня сюда, — сказала Надежда.

— Да.

— Ты знал, что я увижу.

— Я думал, если ты увидишь сама…

Он потёр лоб. На пальцах осталась влага.

— Я сколько раз начинал тебе писать. Что я здесь живу. Что есть вещи, о которых я раньше даже не знал. Ты бы прочитала и решила, что мне нужен врач. Или что я пью. Ты и сейчас так думаешь.

Надежда посмотрела на экран телефона. Приложение ещё не открылось; она держала палец над значком и не нажимала.

— Мне всё равно, что я думала бы. Ты мог приехать.

— Чтобы ты посмотрела на меня и сказала, что делать?

— Чтобы я знала, что ты живой!

Слова отдались от стены. Яков оглянулся на дверь, и этот короткий взгляд причинил ей больше боли, чем всё, что он успел сказать. Там, в доме, могли услышать. Ему было важно, как они его услышат.

— Я виноват, — сказал он. — Я тебе уже говорил. Но я сейчас не об этом.

— А я об этом. Я сюда за братом приехала, а ты меня на это посадил смотреть.

Яков втянул воздух через нос, собираясь с ответом. Не ответил. На крыльцо вышла Валерия.

— Надежда Андреевна, вам нехорошо?

— Не подходите.

Она остановилась на верхней ступени.

— Никто не хотел вас пугать.

— А чего вы хотели?

Валерия перевела взгляд на Якова. Он продолжал смотреть на сестру.

— Мы могли бы поговорить в тёплой комнате, — сказала управляющая. — Если вам нужна вода…

— Нам нужно уехать.

— Яков Андреевич взрослый человек.

— Я заметила.

Надежда наконец нажала на экран. Вместо приложения для вызова машины появился список недавних звонков: палец попал в другой значок. Она увидела имя Руслана и позвонила.

Он ответил почти сразу. Надежда отошла от брата, но не настолько, чтобы выпустить его из виду.

— Я сейчас у ворот. Здесь происходит что-то… Я не понимаю.

— Ты можешь выйти?

— Могу.

— Выйди. Расскажешь с дороги.

Она пошла к воротам. Яков сделал движение следом, потом остановился.

— Не теряй меня из виду, — сказала она ему.

Он кивнул. Валерия осталась на крыльце. Надежда дошла до ограды и увидела маленькую калитку слева от автомобильных створок. Нажала ручку. Калитка открылась без ключа.

Она вышла на узкую обочину.

— Я вышла.

— Хорошо. Что случилось?

Надежда попыталась рассказать. Слова «высокий человек» казались ложью; слова «не человек» — тем, после чего Руслан перестанет понимать её. Она сказала про похороны, про троих, которых привели в комнату, про ногу, повернувшуюся внутри колена. Собственный голос звучал слишком быстро. Она остановилась, вдохнула.

— Я не знаю, как это объяснить. Но Яша знает. Он живёт с ними.

Руслан помолчал.

— Тебе что-нибудь давали пить?

— Кофе в городе. Воду из закрытой бутылки.

— Я не спорю. Мне нужно понять, что делать. Он выйдет к тебе?

Надежда посмотрела сквозь прутья. Брат всё ещё стоял возле машины. Валерия спустилась к нему, говорила что-то, касаясь лацкана его пиджака. Он убрал её руку.

— Не знаю.

— Надя, я могу приехать. Только это не сейчас. Мне нужно Сашу отвезти.

— Я знаю.

— Ты сейчас вызови такси и поезжай туда, где люди. На вокзал, в гостиницу. Если тебе угрожали, звони в полицию.

Она смотрела на Якова. Он больше не слушал Валерию; стоял боком к ней и ждал, пока сестра закончит разговор. Надежда подняла руку, поманила его. Он пошёл к воротам.

— Я тебе перезвоню, — сказала она. — Он идёт.

— Пришли, куда поедешь. И не отключай звук.

Она убрала телефон. Яков вышел через калитку, прикрыл её за собой. На его лице появилась слабая, осторожная улыбка.

— Ну вот. Я здесь.

— Ты со мной уедешь?

Улыбка исчезла.

— Сегодня не могу.

— Потому что она не разрешает?

— При чём тут Валерия? У меня с ним были свои отношения.

— С кем? С мёртвым?

— Да.

Надежда обхватила себя руками. Куртка осталась незастёгнутой; воздух пробирался под свитер. Ей было холодно, а брат стоял в одной рубашке с пиджаком и, казалось, этого не замечал.

— Что он с тобой сделал?

Яков медленно провёл ладонью по лицу.

— Ты сейчас любой ответ переделаешь так, что меня надо спасать.

— А не надо?

— Я тебя звал не за этим.

Мимо проехала ещё одна машина. Надежде пришлось отступить к ограде, и Яков придержал её за локоть, отводя от края лужи. Жест был привычный, заботливый. Она едва не расплакалась от него.

— Давай хоть пройдёмся, — сказала она. — Не в этом дворе. До поворота.

Брат посмотрел вдоль дороги, на место, где она уходила за ряд домов. Потом оглянулся через ограду. Валерия всё ещё стояла возле универсала. Ни один из троих не появился на крыльце.

— Хорошо.

Они пошли рядом. Яков не взял её под руку, и она не стала брать его. У ближнего дома лаяла собака; за стеклом веранды мелькнул ребёнок в яркой кофте. Надежда чувствовала, как рассеянное внимание людей вокруг возвращает дороге обычный размер. Это были двести или триста метров, которые можно пройти своими ногами. Брат шёл сам. Никто не бежал за ними.

За поворотом она остановилась возле низкого забора.

— Давай так. Мы сейчас сядем в кафе. Ты согреешься. И расскажешь мне всё без неё.

— Я не хочу есть.

— Чай выпьешь.

Он посмотрел на её ботинки. Один шнурок тянулся по мокрому асфальту. Яков присел, связал концы, стараясь не коснуться грязи.

— Надя, у меня там прощание.

— Оно уже кончилось.

— Для тебя.

Он выпрямился. Она впервые разглядела, что он действительно дрожит: мелко, всем телом, но зубы сжимает, чтобы не стучали.

— Хотя бы куртку возьми, — сказала она.

— Возьму.

Надежда ещё секунду думала, что он понял её правильно. Потом брат повернулся к дому.

— Яша.

Он остановился.

— Ты вернёшься?

— Я позвоню. Рюкзак твой тоже вынесу, если не захочешь заходить.

Он не стал обещать другого. Надежда осталась у забора, слушая, как удаляются его шаги. Она могла пойти следом; могла крикнуть. Вместо этого достала телефон и набрала три цифры, которые прежде никогда не набирала сама.

Когда ей ответили, она назвала себя и адрес. Сказала, что в доме находятся опасные существа, похожие на людей. Слово «существа» пришлось повторить. Надежда услышала, как оно звучит для человека на другом конце, и заставила себя продолжить.

— Там есть мужчина с повреждённой ногой. Он их боится. И мой брат. Пожалуйста, пусть кто-нибудь приедет и посмотрит.

Её спросили, нападают ли сейчас, есть ли оружие и может ли она оставаться в безопасном месте. Надежда ответила на каждый вопрос. Она не стала говорить, что брата держат силой. Он сам ушёл от неё меньше минуты назад.

Глава 5. За оградой

Пока Надежда ждала, с дороги исчез свет. Сначала она ещё различала мокрые листья под ногами, потом только их блеск под фонарём. Пришлось отойти от забора: из дома вышел мужчина с мусорным пакетом, долго смотрел на неё, прежде чем пройти к контейнеру. Она сказала, что ждёт машину. Мужчина кивнул, но на обратном пути снова посмотрел.

Телефон зазвонил, когда Надежда пыталась освободить молнию куртки от свитера. Она уже не чувствовала кончиков пальцев. На экране было имя брата.

— Ты где?

— За поворотом.

— Почему не уехала?

Она перестала тянуть ткань.

— Я вызвала полицию.

Яков молчал так долго, что она взглянула на экран, проверяя связь.

— Ты меня слышишь?

— Слышу. Зачем?

— Я не могу сделать вид, что ничего не было.

— Надя, я вышел к тебе. Мы стояли на дороге. Ты сама видела.

— Видела. Я так и сказала.

На другом конце кто-то спросил: «Что?» Яков прикрыл микрофон. Надежда слышала только шорох, потом его голос вернулся.

— Уезжай в гостиницу. Я привезу рюкзак.

— Они попросили ждать здесь.

— Кто — они?

— Мне перезвонили из полиции. Я рассказала, где стою.

Он шумно выдохнул.

— Хорошо. Я вынесу вещи.

— Не надо мне сейчас вещи. Яша, ты можешь хотя бы не предупреждать их?

Он снова помолчал, и она поняла, что уже предупредил.

— Здесь прощание, Надь. Люди имеют право знать, кто к ним едет.

Связь оборвалась не сразу. Несколько секунд оба держали телефоны у уха; затем брат отключился.

Надежда убрала аппарат в карман, освободила застрявший край свитера и наконец застегнулась. В этот момент её затрясло сильнее. Она начала ходить вдоль забора: десять шагов в одну сторону, десять обратно. На третьем круге Руслан прислал сообщение, что выехал. Надежда набрала ответ, стёрла просьбу ехать быстрее и отправила место, где стояла.

Когда полицейская машина остановилась рядом, она сперва не узнала её. Фары ослепили, и Надежда отступила к забору, заслонив глаза. Из машины вышли двое. Один, плотный, с красным следом от воротника на шее, спросил её фамилию. Другой обошёл машину и остался чуть позади.

Надежда подтвердила, что звонила она. Плотный назвал себя; из имени и звания она удержала только фамилию — Козлов. Он попросил рассказать с начала, спокойно.

Она рассказала. Про приглашение, брата, прощание. Когда дошла до троих, Козлов уточнил, что именно они делали.

— Один подошёл к раненому. Он испугался. Его жена держала.

— Кто подошёл?

— Та, которая по полу.

Козлов посмотрел на напарника, затем снова на неё.

— Женщина?

— Я не знаю. Она так не могла бы ходить. У неё тело…

Надежда провела рукой на уровне бедра, показывая высоту, и сразу пожалела об этом. Жест ничего не объяснял.

— Мужчину ударили при вас?

— Нет.

— До вашего приезда?

— Я не видела. Но он её знает. Он сказал: уберите её.

Второй полицейский спросил, откуда она знает о ране. Надежда объяснила про костыль и отсутствующий палец. Пришлось сказать и то, что Давид недавно вышел из больницы. Козлов записал его имя.

— Фамилия?

— Не знаю. Жена — Таисия. Фамилию она не называла.

— Телефон брата есть?

Надежда достала аппарат. Пока открывала контакт, на дороге показался Яков. Он шёл быстро, накинув куртку поверх костюма, и нёс её рюкзак за верхнюю петлю. Увидев машину, замедлился.

— Это он, — сказала Надежда.

Яков подошёл, поздоровался и протянул ей вещи. Рюкзак был застёгнут, наружный карман тоже. Она взяла его машинально, прижала к груди.

Козлов спросил имя брата, попросил документ. Яков достал паспорт. Надежда не знала, взял ли он его специально или всегда носил с собой. Брат отвечал ровно, без улыбки, не глядя на неё.

— Вы там проживаете?

— Да.

— На каком основании?

— Работал у владельца. Жильё предоставлял он. Сейчас он умер.

— Вас кто-нибудь удерживает?

— Нет.

— Угрозы были?

— Нет.

— Сестра говорит, что в доме находятся опасные люди.

Яков взглянул на Надежду. Она ждала, что он скажет «не люди». Он этого не сказал.

— Она их раньше не видела. Испугалась.

— Вы их знаете?

— Знаю.

— Они там сейчас?

Яков опустил глаза на паспорт в руке полицейского.

— Не знаю. Я вышел.

Ложь оказалась почти незаметной. Он действительно вышел, она сама видела, как он шёл по дороге. Надежда вдруг поняла, сколько разных вещей можно спрятать внутри одного правдивого движения.

— Они там были, — сказала она. — И она, Валерия, знает где. Есть дверь на кухне. Металлическая. Мне сказали, что кладовая.

Козлов вернул Якову паспорт.

— Пойдёмте посмотрим.

***

Во дворе горела лампа над крыльцом. В её свете дом выглядел гораздо меньше: два этажа, старые рамы, облупившаяся водосточная труба. Днём Надежда почти не заметила этих обыкновенных вещей. Теперь они словно выступили вперёд, закрывая всё остальное.

Валерия ждала в прихожей. Она назвалась полностью, и Надежда впервые услышала её фамилию: Бахтина. На лице не было ни удивления, ни обиды. Она предложила пройти, сказала, что здесь прощаются с Савелием Павловичем Неверовым и что все необходимые документы имеются.

Козлов спросил, кто ещё в доме. Валерия перечислила имена. На слове «Давид» он попросил сначала поговорить с ним. Управляющая повернулась к столовой.

— Я сам, — сказал полицейский. — Покажите, где он.

Таисия вышла навстречу. Костыль мужа был у неё в руке; по лицу Надежда не могла понять, сердится она или боится. Второй полицейский попросил её подождать в прихожей и ушёл с Козловым. Дверь столовой прикрылась.

Яков стоял возле лестницы. На тумбе лежал найденный тапочек Надежды, другой был аккуратно поставлен под ним. Большая обувь исчезла. В тесной прихожей сразу стало душно. Надежда сняла куртку, повесила на прежний крючок и снова закинула рюкзак на плечо, стараясь не смотреть на пустое место у стены.

— Зачем вы его сюда привезли? — спросила она Таисию.

— Он хотел приехать.

— Он даже смотреть на неё не может.

Таисия стиснула рукоятку костыля.

— Вы видели десять минут нашей жизни.

— А вы видели больше. Расскажите им.

Она кивнула на дверь столовой. Таисия посмотрела туда, но не двинулась.

— Тая, — тихо сказал Яков.

— Не надо, — ответила она ему. — Я сама.

Валерия вернулась с тонкой папкой. Протянула её вышедшему из столовой Козлову. Тот просмотрел несколько листов, задавая вопросы. Надежда услышала, что Неверов умер в пятницу, тело привезли из морга вчера. Валерия отвечала на всё тем же голосом, каким днём спрашивала, удобно ли Давиду сидеть.

— А почему гроб переделывали? — спросила Надежда.

Управляющая повернулась к ней.

— Я вам уже объяснила.

— Вы сказали, что ошиблись с размером.

Козлов закрыл папку.

— Где тело?

Валерия открыла дверь в зал. Надежда осталась на пороге. Гроб накрыли белой тканью целиком; кресло стояло у той же стены, но миски на столе больше не было. Лев держал портрет, прижимая его к животу. Илья сидел у окна и поднялся, когда вошли полицейские.

Бахтина отогнула ткань со стороны изголовья. Надежда видела между чужими плечами мёртвый лоб и часть носа. Козлов постоял у гроба, спросил ещё что-то. Ответ управляющей она не расслышала.

— Они из столовой вошли, — сказала Надежда. — Все трое.

Второй полицейский вернулся к ней.

— Покажете дверь, о которой говорили?

Она пошла впереди. На кухне пахло вымытым полом. Хлеб убрали, на подоконнике лежал только закрытый пакет с пирогом. Металлическая дверь была распахнута. Внутри горела голая лампа, освещая стеллажи и низкий наклонный потолок. Надежда остановилась, не входя.

Здесь действительно хранили еду. На полках стояли банки, пакеты с крупой, картонные коробки. На нижней лежали длинные свёртки в серой ткани. В дальнем углу виднелась ещё одна дверь, деревянная, с потемневшей у пола кромкой.

— Дальше что? — спросил полицейский.

Лев, пришедший следом, ответил:

— Выход в пристройку. Во двор.

— Откройте.

Лев прошёл между стеллажами. Дверь открылась наружу; Надежда увидела темноту и услышала, как ветер шевельнул сухие листья. Полицейский посветил фонарём, переступил порог. Его шаги удалились, потом вернулись. Он осмотрел угол за дверью, попросил Льва снять один из длинных свёртков. Внутри оказалась садовая сетка с колышками. Надежда смотрела, как Лев разворачивает её, и чувствовала, что ей становится стыдно — не за вызов, а за то, как сильно она хочет найти там что-нибудь страшное.

— Морозильник тоже посмотрите, — сказала она.

Полицейский взглянул на неё, потом на Льва. Тот откинул крышку. Надежда увидела белые пакеты и пластиковые ёмкости; верхнюю Лев вынул и открыл. Внутри лежала рыба с мутными глазами. От холода пошёл слабый пар.

Полицейский осмотрел ещё два пакета. Надежда больше не пыталась заглянуть через его плечо. Она знала, что они успели убрать всё, что хотели, и не могла знать, что именно убрали. Яков предупредил их. Эта мысль держалась крепче, чем вид раскрытой пустой кладовой.

Когда они вернулись в столовую, Давид сидел за столом. Костыль снова стоял возле него. Таисия была рядом, но не касалась мужа. На столе лежал лист бумаги; Давид медленно подписывал его правой рукой.

Козлов подошёл к Надежде и предложил выйти в прихожую.

— Мужчина пояснил, что травму получил раньше, по другому адресу, — сказал он. — Здесь на него никто не нападал. Медицинская помощь сейчас ему не нужна.

— Он сказал, как получил?

— С вами он сам может поговорить. Брат ваш тоже подтверждает, что находится здесь добровольно.

Надежда посмотрела на Якова. Он снял её куртку с крючка и теперь держал перед собой, ожидая, когда разговор закончится.

— Я это знаю. Но трое были. Я их видела.

— По вашему сообщению проверка будет. Контакт у нас есть. Если вспомните что-то ещё, фотографии найдёте — сообщите. Кого вы видели, будем устанавливать.

— Вы их не нашли.

— Пока никого похожего мы не обнаружили.

Он говорил без раздражения. От этого было труднее спорить: раздражение дало бы Надежде право сердиться, а сейчас перед ней стоял человек, который вошёл в дом, задал вопросы и не увидел того, что видела она.

Полицейский спросил, есть ли у неё где переночевать. Надежда сказала, что за ней едет знакомый и что она возьмёт гостиницу. Козлов предложил довезти до города. Она согласилась прежде, чем брат успел что-нибудь сказать.

***

У машины Яков отдал ей куртку. Надежда поставила рюкзак на землю, чтобы попасть в рукава. На этот раз он не помогал.

— Я утром приеду, — сказал он.

— Сюда?

— К тебе. Скажешь куда.

Она застегнулась и подняла рюкзак.

— Ты их вывел?

— Нет.

— Но сказал, что едет полиция.

Яков отвёл взгляд.

— Я не собирался ничего скрывать от тебя.

— От меня ты уже не скроешь. Я там была.

Он потянулся к лямке её рюкзака — поправить или задержать, она не поняла. Надежда шагнула к открытой задней двери машины. Брат убрал руку.

— Завтра в десять, — сказала она. — Без Валерии. Я пришлю адрес.

— Хорошо.

Надежда села. Козлов закрыл за ней дверь, и наружные голоса стали глухими. Через стекло она видела, как брат стоит у ворот. Из дома вышел Илья, остановился за его спиной. Яков не обернулся.

Машина тронулась. На повороте Надежда прижала рюкзак к коленям, удерживая его от падения. В наружном кармане что-то царапнуло пальцы сквозь ткань. Она потянула молнию и нащупала угол сложенного листа.

На нём было написано от руки: «Не ешьте то, что дадут ему. Даже если скажут, что так вы поможете. Т.»

Ниже стоял номер телефона.

Надежда прочитала записку ещё раз. Потом подняла глаза на затылок полицейского впереди.

— Мне сейчас передали вот это, — сказала она. — Посмотрите, пожалуйста.

Глава 6. Место у стены

Яков стоял у ворот, пока свет задних фонарей не исчез за поворотом. Потом Илья положил ему руку на плечо.

— Весело у вас в семье.

Яков сбросил его руку.

— Не начинай.

— Это я начал? Моя сестра сюда наряд привезла?

— Она ничего не знала.

— Вот это и интересно. Ты её зачем позвал?

Яков повернулся к нему. В свете дворовой лампы серебряное кольцо на руке Ильи казалось белым. Раньше он любил смотреть на такие вещи: тяжёлые часы, хорошие ботинки, кольцо, которое человек носит без особого случая. Теперь хотелось, чтобы Илья убрал руки в карманы.

— Не твоё дело.

— Уже моё. Мне тоже вопросы задавали. У меня завтра люди, сделки. Я не хочу объяснять, почему бываю в доме, где твоя сестра увидела чудовище.

Он произнёс последнее слово с усмешкой. Яков заметил, что Илья всё время поглядывает на неосвещённый край двора. Сам он тоже туда смотрел. Пока Савелий Павлович был жив, они могли сколько угодно насмехаться над чужим страхом; сейчас оба стояли ближе к лампе, чем требовалось для разговора.

— Ты сам их видел, — сказал Яков.

— Поэтому и приехал. А она зачем?

Яков прошёл мимо него к крыльцу. Илья не стал задерживать, только сказал вслед:

— Завтра привезёшь ещё кого-нибудь, предупреждай заранее.

В прихожей было пусто. Надины тапочки стояли под тумбой, носками к стене. Яков поднял их, хотел отнести наверх, но услышал голоса из столовой и поставил обратно. Он всё ещё не снял куртку. Тёплая подкладка липла к спине, а ладони оставались ледяными.

За столом сидели Таисия и Давид. Он держал стакан, не поднимая его; вода давно перестала дрожать, но пальцы всё ещё были напряжены. Валерия стояла возле окна с телефоном у уха. Увидев Якова, она жестом велела ему подождать.

Он снял куртку и повесил на спинку свободного стула. На столе перед Таисией лежала её плоская сумка. Молния была раскрыта, внутри виднелся край металлической коробки.

— Вы уезжаете? — спросил он.

— Да, — ответил Давид.

Таисия ничего не сказала. Она смотрела на Бахтину, которая закончила разговор и убрала телефон.

— Сейчас пройдёмте, — сказала Валерия ей. — Всё готово.

— Мы уезжаем, — повторил Давид.

На этот раз жена повернулась к нему.

— Пять минут.

— Тая, я не буду здесь ждать.

— Ты в машине посидишь. Там тепло.

Давид поставил стакан так осторожно, будто боялся, что от стука что-нибудь начнётся. Потом взял костыль.

— Помоги мне дойти, Яков.

Таисия уже поднялась, но остановилась. Яков подставил плечо. Давид опирался на него сильно, почти всем весом; под рубашкой чувствовались острые лопатки. Они медленно прошли прихожую. На ступенях Давид стиснул зубы, переждал, прежде чем переставить костыль.

— Не торопись, — сказал Яков.

— Я тороплюсь уйти. Нога не торопится.

У машины он отдышался. Таисия вышла следом и открыла пассажирскую дверь. Пока Яков помогал ему сесть, она держала дверь обеими руками. В салоне пахло лекарственной мазью и кожей сидений; на коврике лежало смятое бумажное полотенце. Яков расправил его ногой, чтобы Давид не поставил на мокрое костыль.

— Спасибо, — сказал тот.

Таисия наклонилась к мужу.

— Я вернусь и заведу. Не больше пяти минут.

Он поймал её за запястье здоровой рукой.

— Не делай сегодня.

Она посмотрела на его пальцы, потом на лицо.

— Я знаю, что делаю.

— Я тоже так говорил.

Таисия высвободила руку. Не резко, но по одному пальцу, и Яков отвернулся: это движение было неприятнее ссоры. Она пошла в дом. Давид смотрел ей вслед, пока дверь не закрылась.

— Она из-за меня, — произнёс он.

Яков не нашёл ответа.

— Если скажешь, что мне повезло с женой, я тебя ударю этим, — добавил Давид, кивнув на костыль.

Яков невольно улыбнулся.

— Не скажу.

— С сестрой тебе тоже повезло. Но я понимаю, почему тебя это злит.

Он попросил закрыть дверь. Яков захлопнул её и остался рядом ещё на секунду. Через стекло Давид казался совсем маленьким: плечи подняты, больная нога вытянута, ладонь на ремне безопасности. Человек, который восемь месяцев назад приехал сюда торговаться о цене старой пристройки, теперь ждал разрешения собственной жены уехать.

Яков помнил его прежним. Громким, очень уверенным, привыкшим начинать разговор со слов «ну что, хозяева». Тогда Савелий Павлович ещё ходил сам. Он слушал Давида, улыбался, позволял ему перебивать. Когда разговор кончился, попросил Якова закрыть дверь в сад.

Яков закрыл.

Потом были крики снаружи. Он не сразу понял, чей голос слышит. Неверов велел ему не мешать, и Яков остался в прихожей, держась за ручку. Он до сих пор помнил, какая она была холодная. Это воспоминание никогда не начиналось с крови. Оно начиналось с собственной руки, которая могла повернуть ручку и не повернула.

Он вернулся в дом.

***

Валерия ждала в зале. Покрывало с гроба сняли, шторы оставались закрытыми. Лев принёс ведро и тряпку, но управляющая отправила его на кухню: здесь пока не нужно. Таисия ушла с Зоей через столовую, забрав металлическую коробку. Её сумка осталась на стуле.

— Ваша сестра уехала? — спросила Бахтина.

— Вы видели.

— Я спрашиваю, вернётся ли.

Яков подошёл к гробу. Ночью, когда они вместе с Зоей пытались поправить одежду мёртвого, ему казалось, что к утру всё закончится. Нужно только сделать необходимое: позвонить, договориться, достать ткань. Он привык жить рядом с больным человеком, для которого всегда требовалось что-нибудь достать. Днём выяснилось, что обычных размеров больше не хватает.

— Завтра я с ней встречусь, — сказал он.

— Здесь?

— В городе.

Бахтина опустила взгляд на его руки. Он заметил, что мнёт край гробовой обивки, и отпустил.

— Вам нужно решить, что вы ей скажете.

— Сам решу.

— Разумеется. Но у решения должны быть последствия, которые вы готовы принять. Сегодня вам было важно, чтобы она увидела. Она увидела. Теперь к нам будут возвращаться с вопросами. Документы проверят. С Давидом ещё поговорят. Вы этого хотели?

— Я хотел увидеть сестру.

Валерия промолчала. Яков посмотрел на неё и почувствовал, как в груди поднимается знакомая злость. Она не спорила с удобной ему половиной ответа. Просто стояла, давая ему услышать, чего в ней не хватало.

— Вы сказали, что можно пригласить, — произнёс он.

— Можно было. Я не обещала, что ей понравится.

— Она испугалась.

— А вы в первый раз не испугались?

Он не ответил. В первый раз его вырвало. Не при Савелии Павловиче — после, за сараем. Он стоял на коленях в мокрой траве и думал, что сейчас уедет, заберёт только куртку и зарядку. Старик вышел следом, опираясь на палку, положил ладонь ему на затылок. Яков тогда заплакал от этого прикосновения. Ему давно никто не разрешал просто испугаться. Неверов сказал, что торопиться не надо, что утром можно решить всё по-другому. Утром на столе лежали деньги за работу, которую прежний хозяин бригады оставил неоплаченной. Старик не был обязан платить чужой долг. Он и не требовал за него ничего в тот день.

Яков остался ещё на неделю.

Валерия наклонилась над гробом, поправила булавку на разрезанной штанине. Яков увидел, как её рука задержалась возле мёртвой щиколотки. Она быстро убрала пальцы.

— Он опять стал больше? — спросил он.

— Сегодня хватит измерений.

— Я не об измерениях.

Она выпрямилась.

— Да. Немного. Вчера из морга привезли человека, которого ещё можно было одеть. Вы сами видели.

Он видел. И то, как Зоя отрезала подкладку, и то, как пальцы покойного медленно разошлись поверх живота, хотя никто их не трогал. Сам Неверов не шевелился. С ним происходило то же, что с тестом, оставленным под тканью: места в гробу становилось меньше, тела — больше. Яков не смог бы сказать этого вслух. Сравнение было отвратительно домашним.

— Пока они при нём, он держит их на себе, — сказала Валерия. — А вы всё ещё ждёте, что будет подходящий день.

— Илья не ждёт. Отдайте ему.

Она посмотрела на Якова с таким вниманием, что ему стало неприятно.

— Я ничего не могу отдать. Вы это знаете.

— Вы можете перестать мешать.

— Он трижды пробовал приблизиться к Долгому. Последний раз вы принесли ему полотенце, помните?

Яков помнил. Илья прижимал полотенце к укушенной ладони, а Долгий лежал под лестницей и счищал с зубов золотую застёжку, сорванную с чужого рукава. Никто не умер. Неверов смеялся, пока не закашлялся. Яков тогда тоже усмехнулся — от облегчения, что пострадал не он.

— У меня может быть то же самое, — сказал он.

— Может.

Бахтина взяла со стола пустую миску. На дне остался жирный след.

— Вы подумаете. Только не обещайте сестре того, что собираетесь нарушить ради удобного разговора.

Она пошла к двери. Яков остановил её:

— Где они?

— В старом леднике. Сосед увёл их за едой. Зоя показала ему, что нужно унести.

— А Лев?

— Лев был здесь. Ему хватило полиции.

— Они там останутся?

— Как только всё съедят, придут. Вы же не думаете, что я умею им приказывать.

Бахтина вышла. Яков остался возле гроба, глядя на босые ступни под белой тканью. Вчера он сам решил поставить обувь у входа — чтобы, когда привезут тело, не искать. Сегодня утром она уже не подходила. Надя увидела её и ничего не сказала. Он успел порадоваться её молчанию.

Телефон в кармане коротко дрогнул. Сестра прислала адрес гостиницы и написала: «В десять в холле». Он ответил: «Буду».

На экране осталось её имя. Яков открыл старую переписку и прочитал последнее сообщение, которое она отправила перед тем, как он перестал отвечать. Там не было ни угроз, ни упрёков. «Я не могу всё время держать телефон возле себя. Напиши хотя бы, что дошёл».

Он дошёл. До чужой комнаты, до работы, до этого дома. У него всегда находилась причина не писать именно в этот день.

Яков погасил экран.

***

Таисия вышла из столовой с забинтованным предплечьем. Рукав был подвёрнут выше локтя; она пыталась натянуть его поверх повязки, но ткань цеплялась. Яков подошёл помочь.

— Не надо.

Он остановился.

— Давид ждёт.

— Я знаю.

Её лицо было серым, но голос не дрожал. Она забрала сумку, сунула туда коробку. На закрытой крышке темнело маленькое пятно.

— Ты ведь ещё не сделала, — сказал Яков.

Таисия посмотрела на него.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы она помнила, откуда получает. Пока я не решусь.

Ему захотелось сказать, что это не поможет. Что Низкая помнит не благодарность, а путь к еде. Но он не мог знать этого наверняка. Он слишком многое здесь принимал за знание только потому, что долго стоял рядом с теми, кто говорил уверенно.

— Тебе обработали?

— Я не дура, Яков.

— Я не это спросил.

Она перестала тянуть рукав и вдруг села на стул. Сумка стукнулась о ножку стола. Несколько секунд Таисия смотрела прямо перед собой, потом подняла голову.

— Как твоя сестра?

— Напугана. Сердится.

— Пусть сердится.

— Она из-за меня приехала.

— Знаю.

Таисия встала, взяла сумку здоровой рукой. У самой двери остановилась.

— Если утром уедешь с ней, я тебе позавидую.

Он не ответил. Из двора донёсся короткий сигнал. Давид ждал уже намного дольше пяти минут.

Яков проводил её до прихожей. Через стекло в двери видел, как она садится за руль, как муж поворачивается к ней. Повязку Таисия спрятала под сползшим рукавом, но Давид всё равно потянулся к её руке. Она отодвинулась. Машина сдала назад, развернулась в свете фар и выехала в открытые Ильёй ворота.

Илья тоже собрался уходить. Остановился возле Якова, сказал:

— Утром поговорим. Я приеду к девяти.

— Меня не будет.

— Тогда к обеду.

Он произнёс это так, словно переносил обычную встречу с человеком, у которого пока нет права отказаться. Яков посмотрел на его широкую спину, на пальто, которое Илья набросил, не попадая в рукава. Вспомнил, как сестра стояла на дороге и спрашивала, может ли он уехать. Ей тоже нужен был ответ, удобный для следующего действия.

Он понимал, что несправедлив к ней. От этого злость не проходила.

Когда за Ильёй закрылись ворота, Яков вернулся в зал и впервые за день сел в кресло у стены.

Подушка глубоко продавилась, подлокотники оказались слишком далеко друг от друга. При жизни Неверова в это кресло нельзя было садиться даже во время уборки. Зоя протирала деревянные части стоя, согнувшись; Яков однажды встал коленом на сиденье, чтобы поправить карниз, и старик велел ему слезть.

Он сказал это негромко. Яков слез сразу.

Теперь никто не велел вставать. За дверью кухни гремела посуда. Из водосточной трубы падала на жестяной козырёк вода. Яков положил ладони на широкие подлокотники и посмотрел на гроб. Мёртвый лежал выше него; складки на шее были освещены лампой, лицо уходило в тень.

Снаружи послышались шаги.

Через минуту в дверях появился Сосед. На коричневом пиджаке блестели капли, шарф съехал на одно плечо. Он держал в руках эмалированный таз. За ним протиснулся Долгий; низко нагнув голову, добрался до гроба и сел на пол у ног покойного. Его колени поднялись почти до края крышки, прислонённой к стене.

Сосед поставил таз перед ним. Внутри лежали обломки кости. Один кусок был обмотан остатком влажной ткани; Яков узнал мелкую синюю клетку, из которой Зоя шила хозяйственные салфетки.

— Ты остался, — сказал Сосед.

— Это мой дом.

Существо посмотрело на кресло, потом на Якова.

— Пока.

Долгий взял кость обеими руками. Снаружи она выглядела сухой и почти чистой. Яков видел такое раньше и всё равно надеялся, что в этот раз он просто обгложет конец, как собака. Долгий упёр большой палец в тёмную трещину. Кость хрустнула. Звук оказался гораздо тише, чем Яков ждал; внутри открылось что-то жёлтое, влажное. Долгий выскреб это ногтем и поднёс ко рту.

— Откуда? — спросил Яков.

Сосед опустился на корточки возле таза. Полы пиджака разошлись, открывая лоснящиеся колени брюк.

— Ты спрашиваешь место или имя?

Яков не ответил. Он знал, что кость человеческая. Савелий Павлович сказал ему об этом в первый месяц, не позволяя долго прятаться за удобным предположением о скоте. Яков тогда пошёл к Валерии. Она объяснила, что люди умирают каждый день, а мёртвому уже всё равно. Больше он её не спрашивал. Ему было важно не узнать чужое имя: имя потребовало бы хотя бы запомнить человека.

Долгий поднял на него маленькие глаза. На кончике ногтя осталась светлая капля. Существо вытянуло руку.

Яков отодвинулся в кресле.

— Нет.

Рука не опустилась. Ноготь остановился в полуметре от его колена. Долгий ждал.

— Я сказал — нет.

Он произнёс это громче, чем хотел. Из кухни выглянула Зоя. Сосед поднял ладонь, и женщина ушла, не входя. Долгий повернул к Якову голову, потом медленно слизнул каплю сам.

— Он не слушается меня, — сказал Яков.

— Ты ему ничего не давал.

— Валерия говорит: он может не принять.

— Может.

Сосед вытянул из таза маленький серый свёрток. Пальцы развернули ткань. Яков не хотел смотреть, но увидел ровный край человеческого уха, синеватую кожу, прилипшую к марле.

— А если примет?

Сосед поднял глаза. На мгновение его лицо стало почти приветливым.

— Тогда попробуй приказать то, чего сам стыдишься.

Он положил кусок в рот. Нижняя челюсть опустилась глубже, чем могла опуститься у человека; щёки вытянулись, но губы не разорвались. Потом рот закрылся, и перед Яковом снова сидел невысокий пожилой гость, который спокойно доедал после долгой дороги.

Яков не встал из кресла. Он смотрел на таз, на собственные руки и на Долгого возле гроба. Существо держало расколотую кость у груди, как голодный человек держит хлеб, боясь, что отнимут.

Утром он собирался поехать к Наде. До десяти было ещё много времени.

Глава 7. На двоих

Козлов попросил напарника остановить машину возле фонаря. Взял лист за край, прочитал. Надежда сказала, что нашла записку в наружном кармане рюкзака, а сам рюкзак до приезда Якова оставался в гостевой комнате.

— Кто такая Т.?

— Думаю, Таисия. Но я не знаю.

— Что вам предлагали есть?

— Мне — ничего. Я уехала.

Она рассказала про миску у гроба. Полицейский уточнил, видела ли она, чтобы кто-нибудь ел из неё. Надежда покачала головой. Он переписал номер, позвонил. Долго слушал гудки, потом убрал телефон.

— Не отвечает. Эту записку приложим к вашему объяснению. Себе сфотографируйте.

Надежда сделала снимок. Козлов попросил ещё раз подробно рассказать, как она получила рюкзак и кто мог к нему подходить. На этот раз она начала путаться во времени. Он возвращал её к простым вещам: где стояла сумка, кто принёс, когда открыла карман. Надежда поправила его — не сумка, рюкзак — и сразу почувствовала, какой незначительной стала эта точность.

Но полицейский исправил слово.

Позже, уже выйдя из машины возле освещённой улицы, она вспомнила именно это. Он исправил «сумку» на «рюкзак», хотя мог оставить, и никто бы не заметил. Надежда постояла под фонарём, удерживая телефон обеими руками, пока не нашла гостиницу с круглосуточной стойкой. Номер на двоих оказался свободен. Она спросила цену, потом зачем-то уточнила, можно ли приехать сейчас.

— Конечно, — ответила женщина. — Мы работаем.

До гостиницы Надежда взяла такси. Водитель слушал разговорную передачу и убавил звук, когда она села. Это простое движение едва не заставило её снова заплакать. Она не плакала весь день, даже когда увидела троих, а теперь боялась, что не сможет назвать адрес.

В гостинице пахло влажной уборкой и разогретой выпечкой. Женщина за стойкой попросила паспорт. Надежда долго искала его в рюкзаке, хотя знала, в каком отделении он лежит. Мамин шарф выпал на пол; пришлось нагнуться, и колено, которым она ударилась о гроб, отозвалось резкой болью.

— Вам помочь?

— Нет, спасибо.

Она подняла шарф, распрямилась и положила паспорт на стойку.

Женщина выдала карту от номера, объяснила, где завтрак. Надежда уточнила, что второй человек приедет позже. Ей сказали, что он тоже должен будет подойти с документом. Всё было устроено понятно. Можно было назвать имя, заплатить, получить комнату; никто не спрашивал, что она кому обещала.

Она отправила адрес Руслану и Якову. Руслану дописала, что добралась, замёрзла и промочила ноги. Брату добавила: «В десять в холле». Ответ пришёл, когда она уже поднялась на второй этаж. Одно слово: «Буду».

В номере стояли две узкие кровати, между ними — тумбочка с телефоном. Надежда включила все лампы, сняла куртку и ботинки. Носки промокли у пальцев. Она села на край кровати, стянула их, осторожно подняла штанину. На колене проступала тёмная полоса; кожа осталась целой.

Надежда потрогала ушиб и только тогда вспомнила гроб рядом со стулом, мёртвые руки, брата, который знал, кто сейчас войдёт. До этого воспоминания приходили отдельными картинками. Теперь между ними снова возникла связь, и стало гораздо хуже.

Она набрала номер из записки.

Таисия ответила после нескольких гудков. В трубке слышался шум дороги.

— Кто это?

— Надежда. Сестра Якова.

— Вы уехали?

— Да. Это вы написали?

— Я.

Надежда закрыла глаза. У подтверждения оказался физический вес: плечи опустились, ладонь перестала так сильно сжимать телефон.

— Я отдала записку полицейскому. Он вам звонил.

Таисия выругалась вполголоса.

— Зачем?

— Потому что вы мне написали не есть то, что дадут моему брату. Я должна была промолчать?

На другом конце стало тихо. Шум двигателя продолжался; Надежда поняла, что Таисия убрала телефон от лица. Когда она заговорила снова, голос звучал глуше.

— Я сама ему перезвоню.

— Сначала скажите мне.

— Чего вы хотите узнать?

Надежда посмотрела на собственное колено.

— Что собираются делать с Яшей.

— Ничего, чего он сам не захочет.

— Вы все одно и то же говорите.

— Потому что он хочет. Вы спросите его прямо, кем он собирается стать. Не что с ним сделали, а чего он ждёт.

— Я вас спрашиваю.

Послышался голос Давида. Надежда не разобрала слов, только интонацию: усталую и недовольную. Таисия ответила ему, что сейчас закончит.

— Он хочет, чтобы Долгий слушался его. Тот высокий, которого вы видели. Савелия слушался. Теперь может выбрать другого.

— И для этого нужно поесть?

— Вместе с ним.

— Чего?

Таисия помолчала.

— Лучше пусть он сам вам скажет.

Надежда почувствовала, как поднимается злость. В ней было даже облегчение: на Таисию можно было сердиться без страха снова потерять брата.

— Вы уже написали. Я уже прочитала. Не надо теперь оставлять меня с половиной фразы.

— Это человеческое, — сказала Таисия.

Надежда не сразу поняла, к какому слову относится ответ.

— Что?

— То, что они едят. Я не знаю, что приготовили Якову. Но мясо из магазина не поможет. Я пробовала.

В ванной медленно капала вода. Надежда слышала каждую каплю и не могла заставить себя подняться, закрыть кран плотнее.

— Человеческое, — повторила она.

— Да.

— Кто их кормит?

— Спросите Валерию. Или вашего брата. Он живёт там дольше меня.

— А вы?

Таисия не ответила. Потом сказала:

— Записку я положила сама. Когда Яков сказал, что принесёт вам вещи, пошла наверх раньше него. Мне показалось, так вы хотя бы узнаете до того, как вас уговорят. Больше я сегодня ничего не могу.

— Скажите это полиции.

— Я им перезвоню.

— Именно это. Про еду.

На другом конце послышался шорох. Таисия тихо сказала, уже не Надежде: «Да, я слышу». Потом связь оборвалась.

Надежда положила телефон на покрывало. Некоторое время сидела, держа руки перед собой, словно всё ещё что-то держала. Потом взяла аппарат и записала только что услышанное — короткими фразами, не пытаясь сделать из них связный рассказ. Имя существа. Общая еда. Слова Таисии. Она боялась, что через час начнёт смягчать их, чтобы они помещались в обычный день.

Надежда позвонила по номеру, с которого ей перезванивали после обращения, и передала новое. Ей пришлось повторить, что сама она еды не пробовала и происхождения её не видела; что это слова женщины, чей номер она уже сообщила. На этот раз Надежда не чувствовала себя глупой. Она хотела, чтобы сказанное осталось где-нибудь ещё, кроме её телефона.

***

Руслан приехал с двумя бумажными пакетами. В одном были вода и бутерброды, в другом — носки, купленные на заправке. Он показал их с виноватой улыбкой.

— Ты сказала, промокла. Других не было.

Носки оказались тёмно-синими, с крупной надписью на подошвах. Надежда взяла пакет и вдруг обняла его так сильно, что он едва не уронил еду.

Руслан поставил всё на пол. Некоторое время они стояли у двери, не раздеваясь. От его куртки пахло холодным воздухом и знакомым табаком, который он сам не курил, но терпел в рабочей машине напарника. Надежда прижалась щекой к жёсткому воротнику.

— Я не знаю, что делать, — сказала она.

— Сейчас поешь.

Она отстранилась.

— Не могу.

Руслан посмотрел на неё, потом на пакет.

— Хорошо. Позже.

Он не стал спрашивать почему. Снял куртку, повесил на плечики в открытом шкафу, поставил воду на стол. Надежда сидела на своей кровати и следила за ним. Ей хотелось, чтобы он делал как можно больше обычных вещей, а ей не приходилось объяснять каждую.

Руслан заметил это.

— Я документы показал. Тебе вниз не надо.

Она кивнула.

— Саша как?

— Нормально. Мать его забрала. Велосипед доделали.

— Ты ему сказал, куда едешь?

— Что у тебя неприятности. Подробностей я и сам не знаю.

Надежда рассказала. Он сидел на второй кровати, положив локти на колени, иногда переспрашивал. Когда она дошла до разговора с Таисией, поднял голову.

— Она это тебе сама сказала?

— Да.

— Запись есть?

— Нет. Я потом записала словами. Не догадалась.

— Ты не обязана была обо всём догадаться.

Она показала ему заметку и фотографию листка. Руслан прочитал дважды. Надежда ждала, что он найдёт что-нибудь, чего она не заметила: шутку, очевидную ложь, слово, которое всё изменит. Он вернул телефон.

— Ты это передала?

— Да.

— Хорошо.

— Ты мне веришь?

Он посмотрел ей в лицо.

— Я верю, что ты это видела. И что тебе страшно. Я не знаю, что там было.

Она отвернулась. Руслан не стал ловить её взгляд.

— Если бы я сейчас сказал, что всё понял, тебе было бы легче?

— На минуту.

Он тихо усмехнулся и положил ладонь ей на плечо. Надежда подвинулась, освобождая место. Он сел рядом.

Некоторое время они молчали. За стеной включили телевизор; сквозь перегородку доносился бодрый женский голос. В коридоре прошли люди, остановились у соседней двери, спорили, у кого карта. Руслан достал из пакета воду, открутил крышку и передал Надежде. Она выпила несколько глотков.

— Он в десять приедет, — сказала она.

— Я видел. Ты мне написала.

— Я хочу сначала сама.

— Хорошо. Я буду в номере.

Он согласился так легко, что ей пришлось поискать другую причину для тревоги.

— Ты завтра можешь остаться?

— До обеда точно. Потом нужно договориться по работе. Я утром позвоню.

— Прости.

— Не надо за это. Скажешь, если решишь вернуться домой. Я буду рад.

Надежда опустила бутылку на пол. Руслан поднял её и поставил на тумбочку, чтобы не задеть ногой.

— Я думала, если найду его, всё станет проще, — сказала она. — Он объяснит, где был. Я поругаюсь. Потом… Не знаю. Мы с тобой как раз хотели шкаф разобрать.

Руслан молчал.

— Я ведь даже не спросила, счастлив ли он. Сразу: почему не звонил, почему не приехал. А он мне кофе купил. Помнил, что без сахара.

— Надь, ты четыре года его искала. Ты имела право спросить.

— Да. Но я только это и спрашивала.

Она закрыла лицо ладонями, потом убрала руки. Ей не хотелось плакать перед завтрашней встречей: лицо распухнет, Яков увидит и снова начнёт защищаться раньше, чем она заговорит.

— Когда мама болела, я всё считала, — сказала Надежда. — Сколько на лекарства, сколько на сиделку. Сиделка не каждый день могла. Я думала: вот пришлю ещё, и станет легче. Ему всё равно приходилось вставать ночью. Я знала. Только знать и просыпаться — это разное.

— Ты приезжала.

— Приезжала. На выходные. Иногда среди недели. А потом уезжала и начинала объяснять ему по телефону, как лучше всё делать.

Руслан провёл большим пальцем по её плечу. Тогда его ещё не было рядом, её разговоров с братом он не слышал. Но он знал, как она объясняет.

— Ты хочешь завтра попросить у него прощения?

— Наверное.

— Тогда попроси. Только не обещай ради этого, что тебе подходит всё, что он делает сейчас.

Она посмотрела на него.

— Ты думаешь, я так сделаю?

— Я думаю, ты очень хочешь, чтобы он поехал с тобой.

Надежда отвернулась к окну. На стекле отражались две кровати и их плечи, прижатые друг к другу. Во дворе гостиницы стояли машины; под фонарём блестели крыши. Среди них можно было увидеть Русланову — он поставил её задом к стене, как всегда, чтобы утром не разворачиваться.

Он приехал за ней и оставил ей возможность не ехать.

Надежда потянулась к бумажному пакету.

— Дай всё-таки бутерброд.

***

Ночью она проснулась от скрежета. Несколько секунд не понимала, где находится, затем увидела свет из ванной и ноги Руслана под одеялом на соседней кровати. По коридору везли что-то на колёсах; одно колесо заедало, и человек тянул тележку рывками.

Надежда лежала, пока звук не стих. Потом взяла телефон. Было начало третьего.

От брата ничего не пришло. Его «Буду» оставалось последним сообщением. Она открыла поле ответа, написала «Ты спишь?» и стёрла. Если он ответит, она не сможет закончить разговор; если не ответит — остаток ночи пройдёт возле экрана.

Соседняя кровать скрипнула.

— Надь?

— Всё нормально. Спи.

Руслан приподнялся на локте. Она выключила экран, положила телефон на тумбочку.

— Просто шумно было.

Он протянул руку через узкий проход. Надежда взяла её, устроилась на боку. Пальцы у Руслана были тёплые и тяжёлые. Она вспомнила, как несколько часов назад держала руку брата у гроба: сначала он успокаивал её, потом она вцепилась сама.

Надежда отпустила Руслана, чтобы он мог лечь удобнее.

Утром она собиралась сказать Якову, что любит его. Впервые за весь день ей удалось придумать фразу, для которой не требовалось знать, что он ответит.

Глава 8. Клетчатая сумка

Без десяти десять Яков уже сидел в холле. Надежда увидела его с лестницы: он устроился на диване возле окна, прижал к коленям клетчатую сумку и рассматривал рекламную подставку на журнальном столике. На нём были джинсы и тёмно-зелёная толстовка. В костюме вчера он казался чужим взрослым человеком; теперь Надежда узнала брата прежде, чем разглядела лицо.

Он поднялся. Она подошла, обняла его. Яков придерживал сумку одной рукой, другой неловко обнял её за спину.

— Ты давно?

— Минут пять.

— Кофе будешь?

— Можно.

Внизу ещё подавали завтрак. Надежда спросила у женщины за стойкой, можно ли купить кофе человеку, который не живёт в гостинице. Та показала на дверь в небольшой зал. Яков хотел взять сумку с собой, но Надежда коснулась клетчатой ручки.

— Давай я посижу. Там сразу направо.

Он поставил сумку возле её ног. Она не стала смотреть внутрь. Молния расходилась посередине, было видно только край тёмной футболки и пластиковую коробочку с зубной щёткой.

Яков вернулся с двумя чашками. Одну поставил перед ней.

— Тебе тоже взял.

— Спасибо.

Они сели рядом, но оставили между собой место, куда мог бы сесть ещё один человек. Надежда обхватила чашку ладонями. Она уже пила кофе за завтраком и теперь жалела, что не может отказаться от этого второго, не превратив отказ во что-нибудь большее.

— Я вчера не всё правильно сказала, — начала она.

Брат посмотрел на неё. Надежда заставила себя не отводить глаз.

— Я рада, что ты живой. Я тебя люблю. И я действительно часто говорила тебе, что делать, когда тебе нужно было совсем другое.

Яков опустил чашку.

— Надь…

— Подожди. Я сейчас не для того, чтобы ты поехал со мной. Я и раньше должна была это сказать. Когда мама болела. После. Я привыкла, что если всё посчитать и распорядиться, то я помогла. А ты оставался с ней ночью, и никакой мой расчёт тебя не подменял.

Он смотрел на свои колени. Сестра услышала шум машины за окном, далёкий звон посуды из зала завтраков. Ей очень хотелось закончить за брата: сказать, что он тоже был неправ, что оба устали, что теперь можно всё исправить. Она молчала.

— Она по ночам спрашивала, когда ты приедешь, — сказал Яков.

Надежда кивнула.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь, что спрашивала. А она могла каждые пять минут. Я отвечал: в пятницу. Потом: завтра. Потом уже не понимал, какой день. И начинал злиться. Не на тебя даже. На неё.

У него дрогнула щека.

— Утром ты звонила, говорила: почему голос такой? А я думал, если расскажу, ты меня потом к ней не пустишь. Скажешь, что нельзя с больным человеком так.

Надежда поставила чашку на столик.

— Я бы не сказала.

Он посмотрел на неё, и она поправилась:

— Не знаю. Может, сказала бы.

Яков потёр ладонью колено. В движении было облегчение, но он не улыбнулся.

— Я тоже тебя люблю, — произнёс он. — Просто я потом не знал, как начать снова. Когда уехал, сначала было хорошо, что никто ничего не спрашивает. Потом уже поздно.

— Не поздно.

— С каждым днём позже. Ты думаешь, я не открывал наш чат?

— Я не знаю, что ты делал.

Он кивнул. Это был, кажется, первый её ответ, который не пришлось оспаривать.

Из лифта вышла пожилая пара. Мужчина катил маленький чемодан, женщина держала в руках два яблока. Они остановились у стойки, стали выяснять, можно ли оставить вещи до вечера. Надежда ждала, пока их голоса отдалятся. Яков поднял свою чашку, сделал глоток, поморщился: кофе остыл.

— Ты вещи привёз, — сказала она.

— Немного. Остальное потом заберу.

Надежда боялась вдохнуть слишком резко.

— Ты решил уехать?

— На пару дней.

— В Петербург?

— Да. Если у вас есть место в машине.

Она едва не сказала, что место есть у неё дома. Успела остановиться.

— В машине есть. Где жить собираешься?

— Сниму что-нибудь. Деньги у меня есть.

— Хорошо.

Яков посмотрел на неё недоверчиво, словно ждал продолжения. Надежда взяла чашку и выпила, хотя больше не хотела. Ей нужно было занять рот, чтобы не начать предлагать.

— Руслан наверху, — сказала она. — Я сейчас напишу, что мы скоро.

— Подожди.

Он положил руку на сумку. Улыбка, которая уже появилась у Надежды, исчезла.

— Что?

— Мы уедем, а потом ты начнёшь задавать вопросы. Давай здесь.

***

Они вышли на улицу. Надежда взяла сумку, пока Яков застёгивал куртку; когда он протянул руку, вернула сразу. Утро было холодное, но сухое. На асфальте у водостока лежал грязный веер листьев, кто-то уже прошёл по нему и оставил следы. Яков обошёл листья, как обходил их в детстве, если можно было не пачкать обувь.

Они остановились возле короткой ограды соседнего дома. До гостиничного входа было несколько шагов; Надежда не хотела уходить далеко. В окне второго этажа появился Руслан, увидел их и поднял ладонь. Она ответила. Яков проследил за её взглядом.

— Это он?

— Да.

— Он из-за меня ночью приехал.

— Из-за меня.

Брат кивнул, приняв поправку.

Надежда прислонилась бедром к холодному каменному столбику.

— Таисия сказала, что ты хочешь взять себе Долгого.

Яков медленно повернулся к ней.

— Когда вы разговаривали?

— Вчера вечером.

— И что ещё она сказала?

— Чем его кормят.

Он посмотрел в сторону дороги. Надежда ждала. На этот раз она не собиралась спасать его от молчания.

— Это правда, — сказал Яков.

Она почувствовала, как сжались мышцы живота, хотя уже знала ответ.

— Откуда берут?

— Валерия занимается.

— А ты не спрашивал?

— Спрашивал. Мне сказали, что это умершие. Ничего с живыми для этого не делают.

— Ты поверил?

— Хотел поверить.

Ответ был настолько прямым, что Надежда на секунду растерялась. Яков поставил сумку на сухой край тротуара и спрятал руки в карманы.

— Когда первый раз увидел, я тоже думал, нужно кому-нибудь сказать. Потом сидишь утром на кухне, Зоя кашу варит, Лев ещё тогда не работал. Старик зовёт, просит помочь с лестницей. Всё обычное. А то, что ночью видел, будто не про этот дом. Только потом следующая ночь.

— И так два года.

— Да.

Она отвернулась. По тротуару шла женщина с коляской, наклонив голову к телефону. Надежда смотрела на неё, пока та не прошла мимо.

— Ты сам ел?

— Нет.

— Яша, мне нужно знать.

— Нет, Надя. Не ел. Вчера мог. Не стал.

Он сказал это с обидой, и Надежда едва не поблагодарила его. Благодарность уже поднималась к горлу: спасибо, что ещё не сделал самого страшного. Она проглотила её.

— Если поешь, что будет?

Яков высунул руку из кармана, потёр костяшкой бровь.

— Он должен взять еду из твоих рук. Ты тоже ешь, вместе с ним. Потом просишь его что-нибудь сделать. Если сделает, ты его чувствуешь.

— Что чувствуешь?

— Голод. Савелий Павлович говорил, сначала только его. Потом уже свой.

— И ты хотел этого?

Брат не ответил сразу. Он смотрел на собственную сумку, на разошедшуюся молнию.

— Я хотел другого, что вместе с этим.

— Чтобы он слушался?

Яков кивнул.

— Зачем?

Он поднял на неё глаза. В них было такое усталое раздражение, что Надежда на мгновение увидела себя чужими глазами: женщина стоит на безопасном тротуаре и спрашивает, зачем человеку хотелось перестать бояться.

— Ты видела его пять минут, — сказал Яков. — Представь, что он два года ходит рядом. Ты слышишь, как он ночью спускается. Знаешь, что он может сделать. А тебе остаётся только надеяться, что Савелий Павлович в хорошем настроении. Мне надоело надеяться.

— Можно было уйти.

— Я сейчас ухожу.

Он наклонился за сумкой. Надежда коснулась его плеча.

— Подожди. Я не гоню тебя обратно.

— Я знаю.

Они постояли молча. Брат снова поставил сумку, но руку с ручек не снял.

— Ты бы мог приказать ему никого не трогать, — сказала Надежда.

Яков взглянул на неё так быстро, что она поняла: именно этого вопроса он ждал с самого начала.

— Да.

— И всё?

— Он послушается.

— А голод?

Яков сжал ручки сумки.

— Можно выдержать.

— Сколько?

— Не знаю.

Надежда отступила от столбика. Камень успел остудить ей бедро.

— Старик выдерживал?

— Нет.

— Почему ты сможешь?

Он посмотрел ей в лицо, хотел ответить и не ответил. Надежда вспомнила кухню, морозильник, свёртки, которые полицейский просил открыть. Она почти согласилась. Ей понадобилась одна фраза — «никого не трогать», — чтобы начать искать в этом разумный выход.

— Они сейчас могут выйти? — спросила она.

— Да.

— Из дома? В город?

— Могут. Днём не любят, особенно Долгий. Ночью Савелий их отпускал.

Надежда достала телефон. Яков посмотрел на аппарат.

— Я вчера всё передала, — сказала она. — И то, что Таисия сказала. Это тоже передам. Если ты знаешь что-нибудь, что поможет их найти, надо рассказать.

Он отвернулся, потёр лицо ладонью.

— Я не пойду сейчас с повинной. Не знаю даже, в чём. Я никого не убивал.

— Я тебя об этом не спросила.

— Но спросишь.

— Наверное.

Брат поднял сумку.

— Мне нужно сначала выехать оттуда. Просто выехать. Я ночью вещи собирал и думал, что утром мне скажут: сиди, ты обещал. А никто не сказал. Даже не спросили, надолго ли.

Он усмехнулся. Надежда услышала в этой усмешке не только облегчение.

— Лев до такси проводил. Он ждал, что я скажу ему идти со мной. А я не сказал.

— Позвони ему.

— У него работа.

Надежда посмотрела на брата.

— И у тебя была.

Яков поставил сумку в третий раз. Достал телефон, нашёл контакт. Надежда отошла на несколько шагов, оставив ему возможность говорить без неё.

Разговор оказался коротким. Она слышала только: «Да, я уже здесь» и «Я не про вещи». Потом Яков сказал, что перезвонит, когда соберутся выезжать, и убрал аппарат.

— Он не хочет?

— Ему нужно закончить. До вечера. Я сказал, что могу помочь с жильём.

— Спасибо.

— Не за что пока.

Они пошли обратно к гостинице. Надежда открыла дверь, придержала её для брата. Яков вошёл первым, поставил сумку возле дивана и посмотрел на чашки, которые ещё не убрали со столика.

— Мы кофе забыли.

— Ничего.

— Я твой вообще-то оплатил.

Она повернулась к нему. Брат улыбался — неловко, ожидая, что шутка окажется неуместной. Надежда засмеялась. Коротко, почти беззвучно, но он услышал.

***

Руслан спустился с рюкзаком Надежды. Сам он приехал без дорожной сумки; на одном плече висела только куртка. Брат встал с дивана, протянул руку.

— Яков.

— Руслан.

Они пожали руки. Надежда смотрела на них и испытывала странное чувство: эта встреча должна была случиться давно, но теперь ничто не могло сделать её обычной.

— Спасибо, что приехал, — сказал Яков.

— Не за что. Ты с нами?

— Если не помешаю.

— Садись сзади. Там вещи уберу.

Руслан не стал говорить, что рад знакомству. Надежда была ему благодарна. Он спросил, куда Якову нужно в Петербурге. Тот ответил, что пока не решил, забронирует по дороге. Руслан кивнул, как если бы это был вполне достаточный план.

Надежда сдала карту. Пока женщина за стойкой проверяла номер, ей позвонили из полиции. Она отошла к окну. Собеседник представился другим именем, спросил о вчерашней записке и разговоре с Таисией, уточнил время. Надежда открыла список звонков, продиктовала. Её попросили быть доступной для дальнейших вопросов. Она сообщила, что собирается в Петербург, а брат сейчас с ней.

— Он может подтвердить то, что вы передали?

Надежда посмотрела на Якова. Он стоял у дивана с сумкой в руке и ждал. Она прикрыла микрофон.

— Тебя спрашивают. Поговоришь?

Он протянул руку за телефоном.

Она отошла. Брат отвечал тихо. Долго слушал, потом сказал: «По работе, да». Ещё через минуту назвал свой номер. Когда вернул телефон, на лице не было ни злости, ни облегчения.

— Что сказали?

— Позвонят.

Надежда не стала спрашивать, что сказал он сам.

На улице Руслан открыл багажник, убрал с заднего сиденья складной ящик и две куртки. Яков поставил клетчатую сумку на свободное место. Надежда собиралась сесть назад рядом с братом, но он уже пристегнулся у правой двери и смотрел в окно. Она обошла машину, заняла привычное переднее место.

Руслан спросил, никому ли не нужно сначала в магазин. Оба ответили, что нет. Он завёл двигатель, настроил навигатор и выехал со двора.

В городе было много машин. У перекрёстка пришлось постоять; возле пешеходного перехода мужчина в рабочем жилете придерживал дорожный знак, пока другой закреплял стойку. Надежда смотрела на их руки. Всё, что они делали, можно было понять с первого взгляда.

Яков сзади открыл бутылку воды. Крышка упала, он нагнулся за ней, не расстёгивая ремня.

— Подожди, сейчас подниму, — сказала Надежда.

— Достал.

Она удержала себя от следующего движения и повернулась к окну.

Брат был в машине. Его сумка лежала на сиденье, телефон работал, он собирался выбрать жильё. Надежда не знала, что будет завтра. Впервые за много часов этого незнания оказалось достаточно, чтобы просто сидеть.

Они ещё не выехали из города, когда у Якова зазвонил телефон.

Он посмотрел на экран и не ответил. Звонок стих. Через несколько секунд начался снова.

— Кто? — спросила Надежда.

— Лев.

Яков поднёс телефон к уху.

— Да. Я же сказал, что…

Он замолчал. Надежда повернулась на сиденье.

— Ты где? — спросил брат. — Не выходи оттуда. Слышишь? Я сейчас.

Руслан взглянул в зеркало. Яков опустил телефон, но не положил его в карман.

— Нужно остановиться, — сказал он.

Глава 9. Первая доля

Руслан свернул к обочине. Яков расстегнул ремень прежде, чем машина остановилась, и услышал, как Надежда резко вдохнула.

— Что случилось?

Он всё ещё держал телефон перед собой, хотя Лев уже отключился. В ушах оставался его голос: высокий, срывающийся, совсем не похожий на тот, которым он отвечал на кухне.

— В сарае. Он с Зоей. Она ранена.

— Кто — она?

— Зоя. Та, что по дому помогает. Низкая на неё бросилась. Они закрылись, а она снаружи. Дверь ломает.

Надежда вынула свой телефон. Яков потянулся к ручке двери.

— Подожди, — сказал Руслан. — Я довезу. Только объясни, что там.

— Нам нужно вызвать помощь, — сказала Надежда.

— Вызывай.

Яков удивился, как легко это слово вышло у него. Вчера он предупреждал Валерию, сегодня почти торопил сестру. Лев сказал: «Я не удержу», и всё остальное вдруг перестало иметь прежний вес.

Надежда назвала в трубку адрес. Руслан включил указатель поворота и вернулся в поток. Яков объяснял дорогу короткими фразами, прерываясь, когда сестра задавала вопрос от человека на другом конце.

— Где рана?

— Нога. Ниже колена, он сказал. Много крови.

— Она в сознании?

Яков снова позвонил Льву. Тот ответил сразу, но говорить не мог: слышалось тяжёлое дыхание и скрежет. Яков позвал его по имени дважды.

— Да. Да, слышу. Она здесь.

— Зоя тебя слышит?

— Слышит. Держит тряпку. Я дверь…

Раздался удар, Лев вскрикнул. Яков привстал на сиденье, упёршись ладонью в спинку перед собой.

— Держись. Мы едем.

Он посмотрел на Руслана. Тот следил за дорогой, не оборачиваясь; на перекрёстке пропустил встречную машину и только потом повернул. Яков хотел сказать, что нужно быстрее. Посмотрел на Надежду, на её руку с телефоном, и промолчал.

Лев не отключал связь. Из динамика доносилось хриплое дыхание. Иногда Яков слышал голос Зои, но не мог разобрать слов. Несколько раз он спрашивал, где Илья. В ответ Лев сказал только, что Илья её привёл.

Яков уже знал, о ком речь, и всё равно спросил:

— Низкую?

— К леднику. Хотел, чтобы…

Лев замолчал. За его дыханием снова послышался низкий скрежет.

— Я потом расскажу.

Телефон остался включённым. Яков смотрел на собственную сумку рядом и думал, что мог бы не ответить на второй звонок. Они выехали бы из города; Надя рассказывала бы, какие квартиры есть возле её дома, стараясь не предлагать слишком настойчиво. Лев перестал бы звонить. Позже Яков увидел бы пропущенные, и у этого «позже» не было бы конца.

***

Ворота стояли открытыми. Перед крыльцом был припаркован чёрный седан Ильи; Руслан остановился за ним, не заезжая в узкий проход справа от дома. Бахтина вышла навстречу ещё до того, как Яков открыл дверь.

— Не идите туда, — сказала она.

Он обошёл её.

— Где Илья?

— В кухне. Ему руку…

— А Лев с Зоей почему в сарае?

Она не успела ответить. Из-за дома донёсся треск, и Яков побежал по дорожке. Руслан пошёл следом. Надежда задержалась возле Валерии, продолжая говорить по телефону.

Сарай стоял у начала спуска к воде. Его длинная сторона была обращена к дому, дверь — к узкой площадке между стеной и каменным откосом. Яков столько раз ходил здесь с досками и инструментами, что до этого дня не замечал, как мало остаётся места, если кто-нибудь займёт площадку.

Низкая лежала перед дверью. На спине уже не было ткани. Издали она напоминала огромного мокрого зверя, сбившегося в складки, но передние пальцы работали с почти человеческой настойчивостью: цеплялись за нижний край доски, тянули, отпускали, цеплялись снова. Одна доска отстала. Сквозь щель был виден ботинок Льва, прижатый к двери изнутри.

— Лев!

Яков крикнул слишком громко. Низкая повернула голову. На широкой нижней губе темнела кровь; между губами застрял кусок клетчатой ткани. Зоя сегодня была в клетчатых домашних брюках. Он видел её утром на кухне и не заметил бы брюк, если бы теперь не этот клочок.

Руслан остановился у него за спиной.

— Назад, — сказал он.

Яков не двинулся. Низкая смотрела на него, и он впервые понял, как много было в прежнем взгляде Савелия Павловича. Старик мог сидеть за стеной, лежать наверху, спать. Пока он был жив, Яков не оставался с существом один. Сейчас между ними была только мокрая дорожка.

Низкая снова повернулась к двери.

— Здесь есть что-нибудь длинное? — спросил Руслан.

Яков показал на стену дома. Под навесом стояла широкая лопата для снега; рядом — деревянная жердь, которой летом подпирали ветку яблони. Руслан взял жердь, подал лопату Якову.

— Если отойдёт, они смогут выйти?

— Зоя ранена.

— Тогда сначала оттесним. Ты говори им, чтобы были готовы.

Яков снова поднёс телефон к уху. Связь не оборвалась. Он сказал Льву, что они снаружи, что попробуют отвести её от двери. Лев ответил не сразу.

— Не открывай, пока не скажу, — добавил Яков.

Он убрал телефон в карман. Руслан опустил жердь, держась за неё обеими руками, и сделал шаг. Яков пошёл рядом, выставив перед собой лопату.

Низкая не отступила. Жердь упёрлась ей в плечо, утонула между складками. Руслан нажал. Существо повернулось всем телом; деревянный конец выскользнул, ударил по земле. Яков опустил лопату перед её лицом и толкнул.

Она вцепилась в металлический край.

От рывка Якова повело вперёд. Он удержал черенок, но ноги скользнули по мокрому камню. Руслан перехватил его за куртку, потянул назад. Низкая поднялась на передних конечностях. Голова оказалась почти на уровне Якова, и он увидел, что во рту у неё не один ряд одинаковых зубов: крупные плоские зубы впереди смыкались, а за ними двигались мелкие, неровные, будто рот продолжался глубже, чем мог вместить череп.

Яков выпустил лопату.

Металл звякнул о камень. Существо дёрнулось к ним; он успел отскочить, но один палец скользнул по левой голени, разорвав джинсы. Боль пришла позже, уже когда Руслан тащил его за плечо обратно к дому.

Они отступили к кухонному выходу через пристройку. Дверь была открыта; на пороге стояла Надежда с телефоном в руке, на экране шёл красный счётчик записи. Увидев кровь на штанине брата, она опустила аппарат и потянулась к нему.

— Внутрь, — сказал Яков.

Все трое оказались в кладовой. Руслан рванул дверь на себя, но она зацепилась за камень, который кто-то подложил, чтобы не закрывалась. Пока он выбивал его носком, Низкая добралась до порога.

Яков вжался плечом в стеллаж. Банки за спиной звякнули. Существо остановилось, положив пальцы на деревянную доску. Его лицо поднялось, рот закрылся. Оно смотрело на троих людей в тесном проходе, потом медленно убрало руку.

Руслан захлопнул дверь.

— Что это было? — спросил он.

Яков прислушивался. Снаружи раздался короткий скребущий звук, затем тяжёлое шуршание удалилось к сараю.

— Ей в доме нельзя, — сказал он. — Трогать людей. Он запретил.

— Кто?

— Старик.

Руслан посмотрел на него так, как Надежда вчера смотрела во дворе. Яков не стал ждать следующего вопроса. Лев снова кричал в телефоне; аппарат был в кармане, и голос выходил приглушённым, будто человека зашили в подкладку.

— Я здесь, — сказал Яков, достав телефон.

— Она вернулась. Зоя уже не может. Ты слышишь?

Яков слышал. Он сказал, что ещё попробует, и прошёл на кухню.

***

Илья сидел у стола. Левая кисть была обмотана полотенцем, на полу стояла опрокинутая кружка. Бахтина держала перед ним маленький таз. Илья оттолкнул его коленом, когда увидел Якова.

— Я не знал, что она так…

Яков подошёл к нему.

— Что ты сделал?

— Дал ей. Как говорили.

— А сам?

Илья не ответил. У него блестели губы; на подбородке осталась капля слюны. Валерия поставила таз на пол.

— Он не смог проглотить.

— Я смог, — сказал Илья. — Меня потом…

— Ты приказал ей? — спросил Яков.

— Приказал.

— Она сделала?

Илья отвернулся. Яков почувствовал, как в нём вспыхнула злость, почти радостная: вот он, человек, из-за которого всё случилось, наконец можно ударить того, кто виноват. Он схватил Илью за ворот, поднял со стула. Полотенце соскользнуло с раненой руки.

— Яша!

Надежда стояла в двери. Яков отпустил ворот. Илья сел, прижал полотенце обратно и что-то сказал себе под нос.

— Сначала Зою, — произнесла сестра. — Потом с ним.

Руслан взял у стены второй стул, посмотрел на металлические ножки, на широкую спинку.

— Можно выставить перед собой. Прижать её к откосу, пока они выйдут.

— Она вас опрокинет, — сказала Бахтина.

— А вы что предлагаете?

Валерия посмотрела на Якова.

Он понял ещё до того, как она заговорила. Стало тихо — не в кухне, а у него в голове. Голос Льва, Надин вдох, поскрипывание стула в руках Руслана остались снаружи этого короткого тихого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.